

Научная статья

УДК 314

doi:10.37614/2220-802X.4.2024.86.013

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Павел Михайлович Дашкевич¹, Наталья Александровна Флуд², Ирина Ильинична Елисеева³¹⁻³Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия¹pmd2015@ya.ru, ORCID 0009-0004-9502-4538²fna1963@rambler.ru, ORCID 0009-0006-5151-3190³Социологический институт РАН — филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН», Санкт-Петербург, Россия, irinaeliseeva@mail.ru, ORCID 0000-0002-0917-5910

Аннотация. На реализацию современной государственной политики в арктических территориях страны возложены многочисленные функции по обеспечению национальной безопасности и суверенитета в самых разных областях: ресурсной, транспортной, экологической, военной и проч. Решение этих задач требует усиленного внимания к вопросам сохранения и наращивания человеческого капитала северных регионов. Особое значение приобретают вопросы развития демографического и трудового потенциала. Цель исследования — оценка масштабов и темпов депопуляции в российской Арктике, факторов её определяющих и последствий для рынка труда в целом в Арктической зоне РФ, а также в отдельных субъектах РФ, полностью или частично входящих в её состав. Актуальность исследования определяется тем, что сокращение численности населения и трудовых ресурсов является одним из основных вызовов и угроз для реализации Стратегии развития Арктики до 2035 г. Причины негативных тенденций кроются в нерешённых социально-экономических проблемах, снижении уровня жизни арктического населения, обесценивании северных доходов. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы в разработке и обосновании приоритетов государственной политики в демографической и социальной сферах с учётом специфических особенностей отдельных регионов Арктической зоны. Ключевыми мерами по сохранению и увеличению населения в Арктике должны стать поддержка семей с детьми, снижение бедности, закрепление местной молодёжи и молодых кадров из других регионов, диверсификация северной экономики, формирование системы конкурентоспособной сферы услуг для удовлетворения потребностей жителей северных широт в сфере здравоохранения, общего и профессионального образования, коммуникаций, повышения других параметров жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: арктические регионы, демографический потенциал, социальные процессы, тенденции, обесценивание «северного рубля».

Для цитирования: Дашкевич П. М., Флуд Н. А., Елисеева И. И. Демографические и социальные тенденции в российской Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 4. С. 197–222. doi:10.37614/2220-802X.4.2024.86.013.

Original article

DEMOGRAPHIC AND SOCIAL TRENDS IN THE RUSSIAN ARCTIC

Pavel M. Dashkevich¹, Natalia A. Flud², Irina I. Eliseeva³¹⁻³St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia¹pmd2015@ya.ru, ORCID 0009-0004-9502-4538²fna1963@rambler.ru, ORCID 0009-0006-5151-3190³Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, irinaeliseeva@mail.ru, ORCID 0000-0002-0917-5910

Abstract. The implementation of national policy in the Arctic plays a multifaceted role in ensuring national security and sovereignty across diverse domains, including resource management, transportation, environmental protection, military strategy, and others. Addressing these strategic objectives necessitates a focus on preserving and building up the human capital of the northern regions, with particular emphasis on demographic trends and labor potential development. This study aims to evaluate the extent and dynamics of depopulation in the Russian Arctic, examining its causes and implications for the labor market both across the entire Russian Arctic and within specific regions that are wholly or partially included in it. The relevance of this research stems from the pressing challenge posed by population and workforce decline, which represents a significant threat to the successful implementation of the Arctic Development Strategy through 2035. The negative demographic trends observed in the region are primarily driven by unresolved socio-economic issues, a declining standard of living among Arctic residents, and the depreciation of northern benefits. The practical significance of this study lies in its

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

potential to inform the development and prioritization of public policy measures aimed at addressing these challenges, with a focus on the unique characteristics of individual Arctic regions. Key measures to stabilize and grow the population in the Arctic include comprehensive support for families with children, poverty reduction initiatives, retention of local youth and attraction of young professionals from other regions, economic diversification, and the establishment of competitive services to meet residents' needs in healthcare, general and vocational education, infrastructure, and other essential aspects of quality of life in northern latitudes.

Keywords: Arctic regions, demographic potential, social processes, trends, northern income depreciation.

For citation: Dashkevich P. M., Flud N. A., Eliseeva I. I. Demographic and social trends in the Russian Arctic. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 4, pp. 197–222. doi:10.37614/2220-802X.4.2024.86.013.

Актуальность исследования

Роль арктического региона для обеспечения экономической и национальной безопасности России трудно переоценить. Сегодня Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) — это почти 30 % территории страны, на которой сосредоточены колоссальные запасы природных ископаемых¹, по которой проходят мировые транспортные коридоры и которая во многом определяет климат и экологию всей планеты. В Арктике добывается 90 % российского природного газа (в 2022 г. — 87,8 %) и более 20 % нефти (в 2022 г. — 21,4 %). Наблюдается неуклонный рост доли ВРП арктических территорий в суммарном ВРП страны (в 2014 г. — 5,0 %, в 2022 г. — 6,6 %). В 2022 г. Арктика обеспечила около 14 % всех налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ, доля инвестиций в основной капитал в Арктическую зону в суммарных инвестициях РФ в 2023 г. составила 9,9 % (в 2022 г. — 10,8 %).

Современный этап в жизни арктических территорий начался в 2008 г., когда были приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом РФ 18 сентября 2008 г.)², определяющие территориальный состав и особенности Арктической зоны РФ, национальные интересы, стратегические приоритеты и цели государственной политики в этом регионе. В последующие годы были приняты другие важные документы, уточняющие границы Арктической зоны, регламентирующие меры государственной поддержки и другие шаги, направленные на развитие региона. Среди принятых документов выделим Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 (ред. от 27 февраля 2023 г.) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»³ (Стратегия 2035). В этом документе комплексно обозначены проблемы современной российской Арктики, заданы конкретные направления её развития и целевые индикаторы.

Вместе с тем АЗРФ по-прежнему далека от решения накопившихся проблем и новых вызовов. Первоочередного внимания требуют вопросы развития человеческого капитала региона. Негативные тенденции в демографической и социальной сфере, которые отмечаются во многочисленных исследованиях современной российской Арктики, составляют сегодня одну из главных угроз, формирующих риски для дальнейшего поступательного развития региона и обеспечения национальной безопасности страны в целом. В Стратегии 2035 «снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения» признаны одними из основных опасностей развития Арктической зоны. Данный факт обуславливает актуальность цели данного исследования и тех задач, которые направлены на её достижение: обобщение теоретического и практического опыта, накопленного в изучении социально-демографических процессов в арктических регионах, ретроспективный пересчёт численности населения АЗРФ в её современных границах и анализ динамики депопуляции в отдельных субъектах, выявление основных тенденций в формировании демографического и трудового потенциала региона, предложение мер по их укреплению и наращиванию.

Методы и информационная база исследования

Теоретические основы исследования базируются на изучении трудов авторитетных исследователей социально-демографических проблем развития современной зарубежной и российской Арктики. Обобщение накопленного опыта проведено на основе контент-анализа.

Информационной базой представленного в данной статье исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и её территориальных органов в регионах, входящих в состав АЗРФ. На момент написания статьи большинство показателей были доступны по 2022 г. включительно. Исключение составляют

¹ Стратегический резерв минерально-сырьевой базы РФ — континентальный шельф Арктики — содержит 85,1 трлн м³ природного горючего газа, 17,3 млрд т нефти (Стратегия 2035).

² URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 18.07.2024).

³ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 18.07.2024).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

некоторые показатели естественного и миграционного движения, доходов населения, данные по которым опубликованы Росстатом за 2023 г.

Анализ демографических и социальных процессов проведён на основе показателей, официально принятых в российской статистической практике и рассчитываемых в соответствии с методологическими положениями Росстата. В исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения. Статистический анализ основан на применении методов относительных и средних величин, показателей динамики, прогнозирования. Поскольку в Стратегии 2035 отставание значений демографических и социальных показателей, характеризующих качество жизни в Арктической зоне, от общероссийских или средних значений по субъектам Российской Федерации, в том числе в части, касающейся ожидаемой продолжительности жизни при рождении, смертности лиц трудоспособного возраста, младенческой смертности, — отмечено как вызов, формирующий риски для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности, в работе широко используется метод сравнения значений показателей в отдельных арктических субъектах и в Арктике в целом со среднероссийскими значениями.

Характеризуя информационную базу исследования, укажем на её основные, на наш взгляд, особенности и недостатки. Как самостоятельный объект статистического наблюдения АЗРФ была выделена только в 2014 г. в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 2437-р⁴, согласно которому в ежегодный Федеральный план статистических работ была включена разработка перечня 108 показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития региона. В последующие годы перечень показателей систематически дополнялся, и в 2024 г. он включил 123 позиции. Однако сформированные на сегодняшний день динамические ряды по данным показателям не сопоставимы, поскольку за весь период статистического наблюдения (с 2014 г.) границы АЗРФ менялись четыре раза (указы⁵ Президента Российской Федерации № 287 от 27 июня 2017 г. и № 220 от 13 мая 2019 г., федеральные законы⁶ № 193-ФЗ от 13 июля 2020 г. и № 56-ФЗ от 23 марта 2024 г.). Ретроспективный пересчёт показателей с учётом присоединения новых территорий Росстат не осуществляет, что ставит под сомнение корректность динамических сопоставлений.

Аналитический потенциал арктической официальной статистики снижает и тот факт, что большинство показателей публикуются Росстатом лишь в целом по Арктической зоне. Это не позволяет исследовать дифференциацию процессов, происходящих на территориях, крайне неоднородных по степени освоения, заселения, экономическому и социальному развитию и другим параметрам. Сопоставимость показателей за разные годы крайне важна для разработки адресной политики и конкретизации управленческих решений с учётом специфических особенностей отдельных районов АЗРФ. Для решения задачи измерения неоднородности изучаемых процессов исследователи привлекают данные региональной и муниципальной статистики, но аналитический потенциал муниципальной статистики ограничен. Как известно, большинство социально-экономических и демографических показателей просто не разрабатывается на этом уровне. Кроме того, Арктическая зона состоит из субъектов разного уровня администрирования, включая улусы, посёлки, наслеги, городские округа, которые не являются объектами самостоятельного статистического учёта и, следовательно, статистические показатели для них не разрабатываются в отечественной практике.

Большинство исследований сегодня выполняются на основе данных региональной статистики. Однако, учитывая «лоскутный» характер Арктической зоны, этот подход тоже неоднозначен. На сегодняшний день в её состав полностью входят лишь 4 субъекта РФ: Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, и Чукотский автономные округа. Кроме того, к Арктической зоне отнесена часть 6 субъектов РФ: 6 муниципалитетов Республики Карелия (*Беломорский район⁷, Калевальский район, Кемский район, Костомукшский городской округ, Лоухский район, Сегежский район*), 4 муниципалитета Республики Коми (городской округ Воркута, *городской округ Инта, городской округ Усинск, Усть-Цилемский район*), 13 муниципалитетов Республики Саха (Якутия) (*Абыйский улус, Аллаиховский улус, Анабарский улус, Булунский улус, Верхнеколымский улус, Верхоянский район, Жиганский район, Момский район, Нижнеколымский район, Оленёкский район, Среднеколымский улус, Усть-Янский улус, Эвено-Бытантайский национальный улус*), 4 муниципалитета Красноярского края (город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий район, Туруханский район, *10 сельских поселений Эвенкийского района*), 9 муниципалитетов

⁴ URL: <http://government.ru/docs/16032/> (дата обращения: 24.07.2024).

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021> (дата обращения: 24.07.2024); <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231> (дата обращения: 24.07.2024).

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 24.07.2024); <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50412> (дата обращения: 24.07.2024).

⁷ Курсивом отмечены территории, которые включены в состав Арктической зоны после 2014 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Архангельской области (город Архангельск, Мезенский район, городской округ Новая Земля, город Новодвинск, Онежский район, Приморский район, городской округ Северодвинск, *Лешуконский район, Пинежский район*), 2 муниципалитета Ханты-Мансийского автономного округа — Югра⁸ (*Белоярский район, Березовский район*). В работах, основанных на данных региональной статистики, прослеживается два подхода. Часть исследователей ограничивается рассмотрением данных только по субъектам РФ, полностью входящим в состав Арктической зоны [1]. Такое решение весьма проблематично, поскольку таким образом охватывается менее 45 % её территории, на которой проживает чуть более 50 % арктического населения. Это приводит к потере важных специфических особенностей других арктических территорий.

Второй подход, который сегодня более распространён, состоит в анализе данных всех арктических субъектов в их полных границах, при этом игнорируется тот факт, что часть территорий этих субъектов не относится к Арктической зоне [2, 3]. Замена данных по арктической части субъекта данными по всему субъекту может приводить к существенному искажению информации, следовательно, и к неправильной постановке управленческих задач. В табл. 1 приведены показатели естественного прироста/убыли и миграции населения⁹ в субъектах РФ, которые входят в состав Арктической зоны лишь частью своих территорий. Как видим, демографические показатели арктической части субъекта и субъекта в целом сильно отличаются.

Таблица 1

Показатели естественного и миграционного движения населения в 2023 г. на 1000 чел. населения

Субъект РФ	Коэффициент естественного прироста (убыли)		Коэффициент миграционного прироста (убыли)	
	арктические территории субъекта	субъект в целом	арктические территории субъекта	субъект в целом
Республика Карелия	-10,1	-8,4	-1,6	0,8
Республика Коми	-3,0	-4,7	-2,3	-3,3
Архангельская обл.	-5,5	-6,7	-0,5	-2,1
Красноярский край	4,1	-3,2	4,5	3,4
Республика Саха (Якутия)	4,5	3,4	-5,8	0,8

Примечание. Составлено авторами по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar2_2024.htm; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (дата обращения: 30.07.2024).

Данные табл. 1 показывают, например, что естественная и миграционная убыль населения арктических территорий Архангельской области и Республики Коми существенно ниже, чем субъектов в целом. На арктических территориях Карелии, напротив, естественная убыль больше, чем в республике в целом. Миграция в Карелии вообще имеет разную направленность: отрицательная — на арктической части и положительная — в целом по субъекту. Показатели миграции в Якутии также свидетельствуют о большем оттоке населения из арктических территорий на фоне положительного прироста миграции во всей республике. Факты такого рода ставят под сомнение предположения некоторых исследователей о положительном влиянии арктических предпочтений на социально-демографические процессы [4].

Приведённые данные наглядно демонстрируют то, что показатели по субъекту в целом достаточно условно можно распространять на входящие в них

арктические территории. Высока вероятность искажения масштабов и тенденции изучаемых явлений и процессов. Однако по этому пути, как уже отмечалось, сегодня идёт большинство исследований, ставя в приоритет аналитический потенциал региональной статистики в ущерб достоверности делаемых выводов.

В силу отсутствия данных по арктической части субъектов РФ по большинству социально-экономических показателей, мы тоже были вынуждены прибегать к использованию статистики по субъектам, несмотря на отмеченные дефекты этого подхода.

В Арктической зоне проживает множество коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые составляют около 10 % арктического населения и являются неотъемлемой и специфической частью демографического ландшафта региона. Статистические данные по этой группе населения весьма важны и требуют обоснованного использования, однако в рамках данной статьи авторы не выделяют

⁸ Включены в состав Арктической зоны в 2024 г. и не рассматривались в исследовании.

⁹ Эти показатели являются одними из немногих, которые доступны в официальной статистике в разрезе арктической части субъектов.

её демографический потенциал и тенденции его изменения. Некоторые проблемы развития КМНС и изменение их численности были ранее рассмотрены авторами в работе [5].

Степень научной разработки темы исследования

Основоположниками концепции человеческого капитала С. Кузнецом, Г. Беккером, Т. Шульцем обосновано его значение как основного фактора производства и экономического роста в индустриальном и постиндустриальном обществе. В современной экономической теории принято разделять понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» [6, 7]. Не вдаваясь в описание различий данных категорий, отметим, что часто они используются как синонимы и признаются исследователями ключевыми активами и условиями устойчивого развития Севера и Арктики, определяющими эффективность использования всех прочих ресурсов [7–9].

Основой человеческого капитала выступает демографический потенциал, который трактуется как количественный и качественный потенциал воспроизводства народонаселения определённой территории (государства, региона) и характеризуется такими показателями, как общая численность населения, его половозрастной состав, динамика роста (убыли) населения, миграционные процессы и т. д. [8, 9].

Среди наиболее значимых исследований в области изучения демографического потенциала необходимо отметить работы зарубежных и отечественных исследователей, таких как А. Мэйсон [Mason], П. Дзеканьски [Dziekanski], Е. Андреев, С. Пирожков, Д. М. Эдиев, Т. В. Полкова, О. Л. Рыбаковский и др. [10–15]. Оценке демографического потенциала посвящены работы Н. А. Харутюняна [Harutyunyan], В. В. Фаузера, Л. А. Миграновой и М. С. Токсанбаевой, О. М. Шубат и др. [16–19].

Несмотря на широкое использование понятия «демографический потенциал», его единая трактовка до сих пор не сформировалась. Связано это, прежде всего, с развитием подходов к исследованию демографических процессов и тех аспектов, на которые учёные фокусируют свое внимание. Отметим, что первые работы, посвящённые изучению демографического потенциала, рассматривали отдельные компоненты данного понятия. Так, в начале XX века Р. Э. Фишер ввёл в научный оборот понятие «репродуктивный потенциал», рассматривая рождение человека как получение им жизни «в кредит», выплата по которому происходит посредством рождения им собственных детей [20].

Помимо способности общества к самовосстановлению, важной демографической характеристикой является способность общества к стабилизации численности и её расширению, то есть к росту. Этому вопросу посвящены работы П. Венсана, который предложил использовать в потенциальной демографии показатель

«потенциал роста населения» — величину изменения численности населения исследуемой территории при условии сохранения стабильной возрастной структуры, неизменного уровня рождаемости и смертности. Н. Кейфиц охарактеризовал такой процесс как «инерция демографического роста» [21].

Одним из факторов восстановления и сохранения численности и постоянной возрастной структуры населения является миграция. Развивая гипотезу Дж. Стюарта об аналогии между социальными и физическими явлениями, У. Изарт писал, что сила притяжения (то есть миграции) зависит от численности населения в пункте притяжения и расстояния до этого пункта. Им же было описано понятие «миграционный потенциал» или «демографический потенциал в изучении миграции населения» [22]. Нельзя не согласиться, что миграция имеет непосредственное влияние на демографическую ситуацию как положительное, так и отрицательное.

Важной характеристикой демографического потенциала выступает продолжительность жизни в разных её проявлениях и измерениях. Л. Херш [23], Ж. Буржуа-Пиша [24] и Э. Фильрозе [25], как основоположники потенциальной демографии — особой области демографического анализа, предложили и развили понятие «жизненного потенциала». Ими предложено рассчитывать среднее количество лет, которое предстоит прожить человеку конкретной или обобщённой (условной) возрастной группы, и общую сумму человеко-лет, которые предстоит прожить всей изучаемой совокупности, при сохранении существующего на данный момент уровня смертности. Эти идеи были развиты путём корректировки жизненного потенциала, например, на состояние здоровья разных возрастных групп или на оценку потерь общества от болезней. Сегодня, определяя жизненный потенциал, исследователи стремятся не только вычислить продолжительность срока «дожития» совокупности людей, но и определить, какие позитивные эффекты окажет снижение смертности в тех или иных возрастных группах по тем или иным причинам. По мнению О. Л. Рыбаковского, О. А. Таюновой [26], проблема определения жизненного потенциала Л. Херша была по большей части решена показателями ожидаемой продолжительности жизни.

Подходы к трактовке демографического потенциала, описанные выше, характеризуют отдельные демографические факторы, формирующие потенциал в целом, поэтому их можно рассматривать в качестве компонентов демографического потенциала. Подтверждение данной точки зрения содержится в работе Д. М. Эдиева [13], в ней автор использовал широкий перечень показателей, характеризующих демографические явления.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Исследуя демографический потенциал, нельзя ограничиваться изучением какого-то одного его проявления: будь то рождаемость, смертность, продолжительность жизни или возрастная структура. Необходим более широкий охват и комплексный подход, ввиду многоаспектности и тесной взаимосвязи демографических процессов. Потребность в изучении именно потенциала, а не только текущего состояния демографических процессов возникает при попытке изучения и прогнозирования развития текущих тенденций и оценке последствий их воздействия на демографические процессы.

Демографический потенциал, а также факторы и условия его формирования можно исследовать как на уровне страны, так и на уровне отдельно взятого региона. В региональном аспекте демографический потенциал исследуют Дж. Репонен [Reponen], Дж. Шмидт [Schmidt], Т. А. Федотовская, В. А. Ионцев, А. Г. Магомедова, Е. Л. Луценко, А. В. Говако, А. С. Голик, Л. А. Мигранова, М. С. Токсанбаева, Н. Е. Чистякова [27–32].

В контексте данной работы особую значимость приобретают труды исследователей, изучающих демографический потенциал северных территорий и стран. Уникальные человеческие ресурсы Арктики рассматриваются такими исследователями, как Дж. Ларсен [Larsen], Г. Фондаль [Fondahl], Л. [Hamilton], Дж. Рамаж [Ramage], Л. Юнгсберг [Jungsberg], С. Ванг [Wang], С. А. Сукнева, Е. В. Смиреникова, Л. В. Воронина, О. В. Губина, И. В. Никулина, Е. В. Романова и др. [2, 33–38]

Среди исследований зарубежных учёных, посвящённых изучению демографического развития арктических регионов, выделим работу Т. Хелениак [Heleniak], в которой отмечается, что население мировой Арктики к 2055 г. увеличится на 1 %, в то время как населённость планеты вырастет до 10 млрд человек [39]. При этом темпы роста населения в арктических регионах будут различными. Автор отмечает, что вместе с зарубежными странами население Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов увеличится более чем на 10 %, существенный рост будет наблюдаться в Ненецком автономном округе — в пределах от 5 до 10 %. В то же время в республиках Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областях, а также в Магадане численность населения сократится более чем на 5 %.

Интересен опыт сопоставления арктических территорий России и других стран, к примеру, США (Аляски), Норвегии, Швеции, Финляндии. Например, А. Миддлтон [Middleton] отмечает различные пути развития норвежских (Лонгйирбюен и Нью-Олесунн) и российских (Баренцбург и Пирамида) поселений на Шпицбергене [40]: в 1990–2022 гг. норвежские наращивали свой демографический потенциал, численность российских сократилась на 85 %

Внимание учёных фокусируется и на рассмотрении отдельных аспектов человеческого потенциала. Например, вопросам миграции населения, сбережению здоровья и самореализации на некоторых северных и арктических территориях посвящены работы Е. А. Корчак, В. В. Фаузера, И. А. Сивобровой, А. В. Николаева и др. [1, 4, 41, 42], все они внесли существенный вклад в изучение демографических и социальных тенденций Арктической зоны. Многие демографические процессы, однако, остаются в тени, сохраняется необходимость ревизии ранее сделанных выводов и рекомендаций. Наше исследование, базируясь на актуальной статистической информации, было направлено на восполнение этих пробелов. Статистический подход широко распространён в демографии, поскольку включает получение статистической информации о населении, обработку полученных данных, построение временных рядов и распределений, анализ закономерностей и также вычисление показателей воспроизводства населения [43].

Результаты и обсуждение

Демографический потенциал АЗРФ сегодня формируется в условиях отрицательных демографических тенденций: рождаемость ниже уровня простого воспроизводства, высокая смертность населения в трудоспособном возрасте, демографическое старение, низкие темпы роста средней продолжительности жизни (в том числе здоровой жизни), высокий уровень оттока населения в регионы с более комфортными условиями жизни. Данные процессы наблюдаются сегодня не только в арктических регионах страны, но в арктических регионах они имеют более выраженный характер и масштабы.

За постсоветский период население российской Арктики сократилось почти на треть. Самые большие темпы снижения численности населения наблюдались в первые годы после распада СССР, сейчас они замедлились, однако высокий уровень убыли населения сохраняется, и прежде всего в наиболее густонаселённых и старых по времени освоения территориях Европейской Арктики. В табл. 2 приведены данные об изменении численности населения Арктической зоны РФ начиная с 2014 г., когда она была выделена в самостоятельный объект статистического наблюдения. В границах 2014 г. население Арктики сократилось на 11,4 %. В границах 2021 г. за последние три года убыль населения Арктики составила 9,4 %.

Депопуляция характерна и для многих субъектов России в целом, но её темпы гораздо ниже. Для сравнения укажем, что за период с 2021 по 2024 гг. численность населения России снизилась всего на 0,9 %, но за этим показателем скрываются

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

значительные различия. В четырёх регионах страны численность сократилась более чем на 10 %, и все они полностью или частично относятся к АЗРФ. В число «лидеров» депопуляции вошли Республика Карелия,

которая за три последних года потеряла 14 % населения, Архангельская область — население сократилось на 11,7 %, Республика Коми — 11,4 % и Мурманская область — 10,4 %.

Таблица 2

Численность населения Арктической зоны РФ на начало 2014–2024 гг.
в границах соответствующих лет, тыс. чел.

В границах	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
2014 г.	2401	2392	2378	2372	2364	2356	2349	2339	2137	2126	2127
2017 г.	–	–	–	–	2406	2398	2390	2379	2174	2162	2162
2019 г.	–	–	–	–	–	–	2432	2420	2213	2201	2201
2020 г.	–	–	–	–	–	–	–	2606	2377	2363	2361

Примечание. Составлено авторами по данным пок_67_Calendar1_2023.xlsx (дата обращения: 30.07.2024).

Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/>

На основе данных муниципальной статистики нами был выполнен ретроспективный пересчёт численности населения в субъектах Арктической зоны за период 2014–2024 гг. с учётом современных границ АЗРФ (см. приложение). Построенные динамические ряды позволили увидеть, как изменялась численность населения в отдельных населённых пунктах. Так, численность населения снизилась во всех арктических субъектах Карелии (с 2014 г. меньше всего в г. Костомукша — на 10,5 %, больше всего в Беломорском муниципальном округе — на 30,3 %), во всех арктических субъектах Коми (минимальное сокращение в Усть-Цилемском районе — 14,5 %, максимальное в г. Инта — 33,4 %), во всех арктических субъектах Мурманской области (минимальное снижение в г. Оленегорске — 5,8 %, в г. Островной и п. Видяево — более чем на 30 %). Сокращение численности населения произошло во всех, за исключением Приморского муниципального округа (рост на 11,0 %), субъектах Архангельской области (минимальное на Новой Земле — 4,1 %, максимальное — в Онежском муниципальном районе и Пинежском муниципальном округе — почти на треть). В отдельных муниципальных образованиях Чукотского автономного округа отмечены как самые высокие в Арктике темпы роста населения (например, население Билибинского муниципального района выросло в 2,6 раза), так и его снижения (численность городского округа Провидение сократилась на 50 %). Разнонаправленные тенденции изменения численности населения наблюдались в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, арктических муниципальных образованиях Красноярского края и Республики Саха (Якутия).

С учётом специфики Арктической зоны РФ анализ демографических трендов и их факторов

на муниципальном уровне, на наш взгляд, должен стать предметом самостоятельного изучения.

Сокращение численности населения в большинстве субъектов Арктики происходит за счёт и естественной убыли, и миграции. Остановимся на этих процессах более подробно.

Динамические ряды по показателю естественного прироста (убыли) населения Арктики публикуются Росстатом начиная с 2015 г. (табл. 3). В этом году на всех арктических территориях наблюдался естественный прирост населения, причём выше, чем в среднем по России (в Арктической зоне — 3,9 промилле, в РФ — 0,3 промилле). Однако по отдельным территориям Арктики показатель существенно варьировал: например, в Ямало-Ненецком автономном округе он составлял 11,3 промилле, Ненецком — 8,4 промилле, на арктической территории Красноярского края — 8,3 промилле, на Чукотке — 4,1 промилле, а в Мурманской и Архангельской областях находился на уровне среднероссийского показателя. В последующие годы в четырёх из девяти арктических субъектов — там, где были более высокие значения показателя прироста, естественный прирост уменьшился, а в пяти остальных сменился естественной убылью населения. Самым неблагоприятным по соотношению рождаемости и смертности для всех арктических регионов был 2021 г.: естественная убыль населения составила 3,6 промилле в целом по АЗРФ, частично это связано с падением рождаемости и ростом смертности в «ковидные» годы. Естественная убыль в 2021 г. на арктической части Карелии составила 14,7 промилле, в Архангельской и Мурманской областях — 9,0 и 7,6 промилле соответственно, в регионах с положительным приростом этот показатель был минимальным за весь период наблюдения. В последующие два года наблюдались незначительные

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

позитивные изменения: снижение естественной убыли и рост естественного прироста в соответствующих регионах. Превышение смертности над рождаемостью в 2023 г. зафиксировано в четырёх из девяти субъектов АЗРФ: в Карелии — 10,1, Архангельской области — 5,5, Мурманской области — 4,4 и Коми — 3,0 промилле. Обратим внимание, что все названные субъекты относятся к европейской части российской Арктики, более освоенной и густонаселённой. На территории этих субъектов проживает более 60 % всего населения Арктики, и именно они во многом определяют демографический потенциал. Наибольший естественный прирост в 2023 г. наблюдался в Ямало-

Ненецком автономном округе и на арктических территориях Якутии и Красноярского края (7,7, 4,5 и 4,1 промилле соответственно), что связано с особенностями репродуктивного поведения местного населения, высоким уровнем рождаемости. Небольшой естественный прирост наблюдался в Чукотском и Ненецком (0,8 и 1,7 промилле соответственно) автономных округах. При этом в целом тенденция естественного сокращения населения АЗРФ сохраняется: естественная убыль в 2023 г. составила 1,6 промилле (в 2022 г. — 1,0, в 2021 г. — 3,6 промилле).

Таблица 3

Коэффициент естественного прироста населения по Арктической зоне РФ на 1000 чел. населения

Субъект РФ	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Арктическая зона в целом	3,9	3,1	2,2	1,5	0,7	-1,0	-3,6	-1,0	-1,6
Республика Карелия	-10,7	-13,0	-12,5	-15,2	-14,7	-12,2	-10,1
Республика Коми	3,6	0,9	1,3	0,6	-1,1	-2,5	-4,5	-4,0	-3,0
Ненецкий авт. округ	8,4	9,6	6,6	5,1	4,7	3,4	0,4	0,9	1,7
Архангельская обл.	0,3	-0,5	-1,3	-2,3	-3,3	-5,5	-9,0	-6,9	-5,5
Мурманская обл.	0,3	-0,3	-0,8	-1,5	-2,4	-4,7	-7,6	-4,7	-4,4
Ямало-Ненецкий авт. округ	11,3	10,1	9,1	8,7	7,9	6,9	6,3	7,7	7,4
Красноярский край	8,3	7,3	6,6	6,3	6,0	5,0	3,4	3,8	4,1
Республика Саха (Якутия)	6,0	7,0	5,2	4,5	3,3	2,8	0,8	3,0	4,5
Чукотский авт. округ	4,1	3,6	3,7	1,6	1,4	0,4	-0,7	0,4	0,8
Российская Федерация	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	-2,2	-4,8	-7,1	-4,0	-3,5

Примечание. Составлено авторами по данным: [Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar1_2024.htm (дата обращения: 30.07.2024)].

Значительный вклад в депопуляцию Арктики вносит миграция, при этом она отличается крайне нестабильным и скачкообразным характером (табл. 4). Колебание значений коэффициента миграционного прироста в неблагоприятные и благоприятные годы во многих регионах чрезвычайно велико: например, в Республике Коми от -36,3 (2017 г.) до -2,3 промилле (2023 г.); в Ямало-Ненецком автономном округе от -22,3 (2015 г.) до 3,0 промилле (2023 г.); на Чукотке от -15,2 (2020 г.) до 11,1 промилле (2019 и 2021 гг.).

Показатель миграционного прироста является одним из 14 целевых показателей реализации Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 г. Предполагается, что сальдо миграции должно достичь нулевого значения к 2030 г. и положительного значения в 2 промилле к 2035 г. На 2024 г. прогнозировалось снижение этого показателя в среднем по Арктике до -2,5 промилле. По данным

Росстата, в 2023 г. в целом по Арктической зоне РФ впервые за девять лет наблюдения зафиксирован миграционный прирост — 0,5 промилле. Сможет ли Арктика удержать положительный миграционный прирост в последующие годы? Это вопрос дискуссионный. Учитывая тенденции предыдущих лет, можем предположить, что целевой показатель миграции трудно достижим в ближайшей перспективе. Нужны существенные изменения в экономической и социальной сферах, прежде всего создание достойных условий труда и быта, чтобы уменьшить отток населения.

Важнейшим фактором демографического потенциала территории является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Этот индикатор также включён в список целевых показателей реализации Стратегии 2035. Во всех арктических регионах, кроме Ямало-Ненецкого автономного округа и Якутии, продолжительность

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

жизни при рождении ниже среднероссийского уровня. Самый большой отрыв на Чукотке и в Карелии, где она ниже 70 лет. Построенные прогнозы ожидаемой продолжительности жизни при рождении в арктических регионах на основе сложившихся трендов последних лет свидетельствуют о том, что целевые значения по этому показателю (78 лет

в 2024 г. и 82 года в 2035 г.) не будут достигнуты. Наблюдается отставание арктических регионов от среднероссийского уровня и по таким показателям, как ожидаемая продолжительность жизни населения в возрасте 55 лет и ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ) (табл. 5).

Таблица 4

Коэффициенты миграционного прироста населения по Арктической зоне РФ на 1000 чел. среднегодового населения

Субъект РФ	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Арктическая зона в целом	-9,6	-5,9	-6,0	-5,1	-3,8	-3,2	-1,0	-4,5	0,5
Республика Карелия	-15,5	-15,4	-13,8	-1,4	-3,0	-4,9	-1,6
Республика Коми	-22,0	-18,0	-36,3	-34,3	-20,9	-4,4	-5,4	-9,4	-2,3
Ненецкий авт. округ	2,3	-7,3	-5,3	-8,9	1,8	2,9	3,1	-2,0	18,4
Архангельская обл.	-3,6	-2,8	-4,7	-3,4	-0,9	-1,3	-0,2	-2,0	-0,5
Мурманская обл.	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,0	-3,9	-5,2	1,0
Ямало-Ненецкий авт. округ	-22,3	-6,5	-4,5	-3,2	-2,4	-2,0	3,0	-5,4	-0,5
Красноярский край	-6,8	-8,8	-3,3	-2,1	-3,9	-1,8	-0,4	-7,0	4,5
Республика Саха (Якутия)	-9,3	-3,8	-13,0	-5,4	-3,4	-0,6	-10,8	1,4	-5,8
Чукотский авт. округ	-11,7	-10,3	-13,2	4,8	11,1	-15,2	11,1	-1,8	3,1

Примечание. Составлено авторами по данным: [Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar1_2024.htm (дата обращения: 30.07.2024)].

Таблица 5

Ожидаемая продолжительность жизни в Арктической зоне РФ в 2023 г.

Субъект РФ	Ожидаемая продолжительность					
	жизни при рождении		здоровой жизни		жизни граждан в возрасте 55 лет	
	число лет	к среднероссийскому уровню, %	число лет	к среднероссийскому уровню, %	число лет	к среднероссийскому уровню, %
Республика Карелия	69,8	95,0	55,9	91,2	22,3	91,6
Республика Коми	70,4	95,9	60,3	98,2	22,7	93,4
Ненецкий авт. округ	70,7	96,3	49,0	79,8	23,0	94,4
Архангельская обл.	71,5	97,5	59,8	97,4	23,4	96,0
Мурманская обл.	70,4	96,0	58,6	95,4	22,4	91,9
Ямало-Ненецкий авт. округ	75,3	102,6	59,4	96,8	25,6	105,0
Красноярский край	71,3	97,2	59,5	96,9	23,3	95,5
Республика Саха (Якутия)	73,6	100,2	60,9	99,2	24,4	100,4
Чукотский авт. округ	66,6	90,7	40,4	65,8	23,0	94,7
Российская Федерация	73,4	100,0	61,4	100,0	24,3	100,0

Примечание. Составлено авторами по данным Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293>; <https://www.fedstat.ru/indicator/59456>; <https://www.fedstat.ru/indicator/59773> (дата обращения: 30.07.2024).

Показатель ОПЗЖ позволяет оценить, сколько времени (годы, месяцы, дни) в определённом возрасте

предстоит еще прожить человеку в здоровом состоянии, то есть без каких-либо серьёзных проблем

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

со здоровьем, ограничивающих его повседневную жизнедеятельность. Отметим, что отклонение по ОПЗЖ от среднероссийского уровня в арктических регионах больше, чем отклонение по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, особенно в Ненецком и Чукотском автономных округах. Существенный отрыв ОПЗЖ от среднероссийского уровня объясняется не только суровыми климатическими условиями Арктики, которые, безусловно, сказываются на здоровье человека, но и неблагоприятными условиями труда, высоким уровнем заболеваемости лиц старших возрастов, недостатками организации профилактической и медицинской помощи населению. На наш взгляд, показатель ОПЗЖ должен быть включен в Стратегию 2035 в качестве целевого индикатора. Особого внимания заслуживает проблема высокого уровня социальных заболеваний, в том числе алкоголизма. Северные регионы являются лидерами страны по потреблению алкоголя. По данным Росстата, в Карелии розничные продажи на одного жителя за 2023 г. составили 11,5 л этанола, в Коми — 11,1 л, в Мурманской области и Ненецком автономном округе — по 10,9 л (в среднем по России — 6,5 л).

Рассмотрим тенденции других показателей, оказывающих прямое влияние на демографию.

Младенческая смертность в Арктике, как правило, находится на уровне, близком среднероссийскому. В 2023 г., например, она колебалась от 2,1 промилле в Ненецком автономном округе до 5,0 промилле в Красноярском крае (в среднем по России — 4,2 промилле). Исключением является Чукотка, где уровень младенческой смертности во все годы превосходит среднероссийский показатель: в 2022 г. — 15,8 смертей до года на 1000 родившихся живыми, в 2023 г. — 19,3.

Неблагоприятна ситуация и по социальным показателям, таким как уровень разводимости и соотношение браков и разводов. В АЗРФ они выше, чем в среднем по стране. Если в России в 2023 г. на 1000 браков приходилось 723 развода, то в Ямало-Ненецком автономном округе — 855, Коми — 831, в Якутии — 793, на Чукотке — 771, в Мурманской и Архангельской областях — 730 и 727 соответственно, и только в Карелии и Ненецком автономном округе этот показатель ниже среднероссийского — 702 и 700 соответственно.

Нестабильность браков сочетается с высокими показателями прерывания беременности. В 2022 г. в целом по РФ было 39 абортов на 100 родов, в Коми — 61, в Красноярском крае — 60, на Чукотке и в Архангельской области — 58.

В отдельных регионах Арктической зоны наблюдается высокая заболеваемость, связанная с врожденными аномалиями. В 2022 г. врожденные

пороки развития в расчёте на 1000 чел. в Карелии присутствуют у 6, в Ненецком автономном округе и Архангельской области — 4,1 и 3,7. В остальных регионах данный показатель находится на уровне близком к среднероссийскому — 1,7, меньше всего в Мурманской области — 1 человек из тысячи.

Высокие показатели травматизма и отравлений характерны практически для всех арктических регионов. В 2022 г. в Карелии травмы или отравления были зафиксированы у 136,8 человек на 1000 чел. населения, что является самым высоким показателем не только в Арктической зоне, но и в России (среднероссийский уровень — 85,6 чел.). В Коми и на Чукотке показатель травматизма находился на уровне — 126,1 и 122,3 на 1000 чел. соответственно. Более низкий уровень травматизма отмечается в Мурманской области (68,1 чел.) и Ненецком автономном округе (64,1 чел.). Высокий уровень профессиональных заболеваний и травматизма — комплексный результат неблагоприятных климатических условий и опасных производственных факторов.

За последние 20 лет во всех арктических регионах наблюдается позитивная динамика сокращения численности умерших в трудоспособном возрасте, тем не менее темпы динамики отстают от среднероссийских, а уровень смертности в ряде регионов превышает средний уровень в России, особенно это проявляется в европейской части АЗРФ. В Карелии в 2022 г. показатель смертности в трудоспособном возрасте составил 745,3 чел., в Республике Коми — 673,5 чел., в Мурманской области — 661,5 чел. на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста. Самый высокий уровень смертности в Арктической зоне и в России отмечен в 2022 г. на Чукотке — 900,3 умерших на 100 тыс. чел. в трудоспособном возрасте, что в два раза превышает среднероссийский уровень — 491,4 чел.

Наряду с сокращением численности, изменяется возрастная структура населения Арктики. Традиционно, благодаря широкому распространению вахтового метода работы и трудовой миграции, привлекаемой высокими северными заработками, доля населения в трудоспособном возрасте в Арктике была выше, чем в среднем в России. Этому способствовала и высокая «солнечная» миграция — переселение населения после выхода на пенсию в более благоприятные по климату регионы России. Сегодня доля населения в трудоспособном возрасте упала во всех регионах Арктики. Пенсионеры всё реже уезжают в другие регионы из-за отсутствия средств на переселение. Демографическое старение населения, характерное для России в целом, в Арктике происходит более высокими темпами (табл. 6). Доля населения в трудоспособном возрасте по сравнению с началом века больше всего сократилась в Европейской

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Арктике: в Мурманской области — на 8,5 п.п., в республиках Коми и Карелия — на 7,4 и 7,0 п.п. соответственно, в Архангельской области — на 6,7 п.п. Во всех арктических субъектах наблюдается резкое увеличение численности пенсионеров в расчёте на 1000 чел. населения. С 2000 г. этот показатель вырос в два раза в Ямало-Ненецком АО, на треть —

в республиках Коми и Саха (Якутия), при этом коэффициент демографической нагрузки старшим поколением на население в трудоспособном возрасте в этих регионах увеличился в 3, 2 и 1,7 раза соответственно. Наиболее «старыми» являются регионы Европейской Арктики, в частности Карелия и Архангельская область (табл. 6).

Таблица 6

Население в трудоспособном возрасте и пенсионеры в Арктической зоне РФ

Субъект РФ	Доля населения в трудоспособном возрасте, %		Численность на 1000 человек населения, чел.			
			пенсионеры		лица старше трудоспособного возраста	
	2000 г.	2022 г.	2000 г.	2022 г.	2000 г.	2022 г.
Республика Карелия	61,8	54,8	292,3	375,6	305	510
Республика Коми	64,9	57,5	259,0	351,9	215	414
Ненецкий авт. округ	62,9	58,7	243,3	310,3	174	321
Архангельская обл.	61,8	55,1	289,1*	363,0*	298	489
Мурманская обл.	67,9	59,4	248,6	319,6	195	361
Ямало-Ненецкий авт. округ	69,9	63,8	129,0	257,5	64	204
Красноярский край	62,3	57,7	230,6	287,6	271	387
Республика Саха (Якутия)	62,6	59,7	205,7	274,5	157	274
Чукотский авт. округ	69,5	64,3	227,3	294,0	94	212
Российская Федерация	60,2	57,0	261,3	288,5	339	430

Примечание. Составлено авторами по данным: [Регионы России. Социально-экономические показатели: приложение к сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 08.08.2024)].

* Показатель по Архангельской области приведён с учётом Ненецкого автономного округа.

Безусловно, такие изменения в структуре населения требуют решения дополнительных задач, связанных с геронтологической помощью, расширением служб социальной помощи, усилением системы здравоохранения соответствующими специалистами, развитием системы обеспечения занятости пенсионеров и организации их досуга.

Корни негативных демографических тенденций, как отмечалось выше, кроются в нерешённых экономических и социальных проблемах. Почему население, прежде всего молодёжь, уезжает из Арктики, а жители других регионов всё меньше стремятся приехать в Арктику на заработки или на постоянное место жительства? Очевидно, что люди уезжают, когда им негде работать, они не могут получить качественные медицинские и образовательные услуги, они не удовлетворены условиями быта и досуга. Именно это мы и наблюдаем сегодня на арктических территориях.

Окончание советского этапа развития Арктики ознаменовалось резким сокращением производства, стагнацией и закрытием многих предприятий

из-за нерентабельности, сокращением системы господдержки и субсидирования. В Арктике пришли в упадок и были заброшены целые поселения (посёлки городского типа), некогда зависящие от одного-двух градообразующих предприятий, ставших убыточными на волне перехода к рыночной экономике. Данные обстоятельства оказали существенное влияние на состояние рынка труда в регионах АЗРФ (табл. 7).

Численность занятого населения в субъектах, полностью или частично входящих в состав АЗРФ, за период 2000–2022 г. сократилась на 216,1 тыс. чел., в том числе в Карелии на 78,2 тыс. чел. (22,7 %), в Коми на 91,0 тыс. чел. (19,8 %), в Архангельской области на 94,0 тыс. чел. (16,4 %), в Мурманской области на 89,0 тыс. чел. (20,6 %). Только в Ямало-Ненецком автономном округе наблюдался существенный рост численности занятых — на 103,5 тыс. чел. (33,1 %), что связано с реализацией крупных инвестиционных проектов на Ямале, которые позволили ему стать опорным регионом

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

развития Арктики¹⁰. Незначительно увеличилась численность занятых в Республике Саха (Якутия) — на 49,5 тыс. чел., в Ненецком и Чукотском автономных

округах — на 10,5 и 1,1 тыс. чел. соответственно. На рис. 1 приведены графики темпов роста занятого населения в Арктике в процентах к уровню 2000 г.

Таблица 7

Показатели рынка труда в Арктической зоне РФ

Субъект РФ	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.		Уровень участия в рабочей силе, %		Уровень занятости, %		Уровень безработицы, %	
	2000 г.	2022 г.	2000 г.	2022 г.	2000 г.	2022 г.	2000 г.	2022 г.
Республика Карелия	343,1	264,9	67,0	58,2	59,4	54,8	11,3	6,0
Республика Коми	459,9	368,9	67,2	60,7	59,1	56,7	12,0	7,1
Ненецкий авт. округ	20,9	31,4	73,8	71,2	65,7	65,9	11,0	6,5
Архангельская обл.	573,5	479,5	67,8	58,4	59,4	55,1	12,4	5,2
Мурманская обл.	432,9	343,9	72,1	65,4	62,5	62,3	13,4	5,0
Ямало-Ненецкий авт. округ	312,7	416,2	80,5	74,3	73,6	73,1	8,6	1,7
Красноярский край	1409,4	1380,9	67,3	60,9	59,0	59,2	12,2	2,9
Республика Саха (Якутия)	459,7	509,2	69,9	66,4	62,0	62,1	11,2	6,9
Чукотский авт. округ	32,7	33,8	76,0	76,3	68,2	74,8	10,3	2,1
Российская Федерация	64516,6	71216,9	65,8	62,3	58,5	59,4	10,6	4,1

Примечание. Составлено авторами по данным: [Регионы России. Социально-экономические показатели: приложение к сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 08.08.2024)].

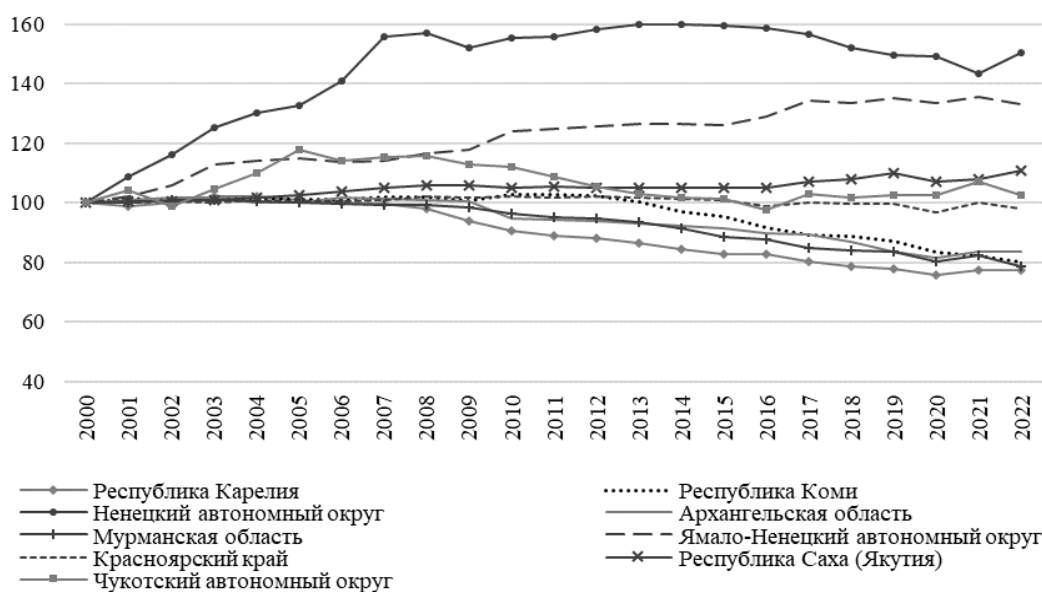

Рис. 1. Среднегодовая численность занятых в Арктической зоне РФ (к уровню 2000 г.), %. Составлено авторами

сокращение числа рабочих мест в совокупности с изменениями в возрастной структуре населения, которые были охарактеризованы выше, обусловили

динамику основных показателей рынка труда в Арктике. Если в 2000 г. во всех субъектах АЗРФ уровень участия в составе рабочей силы был выше

¹⁰ На долю Ямала приходится 55 % ВРП, создаваемого в регионах Арктики, 44 % промышленного производства, 64 % от общего объема инвестиций в Арктике.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

среднероссийского (достаточно существенно в Ямало-Ненецком (на 14,7 п.п.), Чукотском (на 10,2 п.п.) и Ненецком (на 8 п.п.) автономных округах), то сегодня в четырёх субъектах: в республиках Карелия и Коми, Архангельской области и Красноярском крае — этот показатель ниже среднероссийского, в остальных территориях намечается тенденция к сближению со среднероссийским уровнем. В шести из девяти субъектов уровень безработицы сегодня превышает средний уровень по стране.

Стратегия развития Арктики предполагает создание 110 тыс. рабочих мест к 2030 г. и 200 тыс. рабочих мест к 2035 г. на новых предприятиях.

Однако обеспечить приток рабочей силы в Арктику можно лишь в случае решения комплекса других взаимосвязанных вопросов. В советские годы Север привлекал не только романтикой, но высоким уровнем оплаты труда и социальными гарантиями. На протяжении последних десятилетий наблюдается обесценивание «северного рубля». Так, ещё в «нулевых» среднемесячная зарплата в Якутии, Чукотском, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах превышала среднероссийский уровень более, чем в 2 раза, в Мурманской области, Коми, Красноярском крае более чем в 1,5 раза. В последние годы этот разрыв неуклонно снижается (рис. 2).

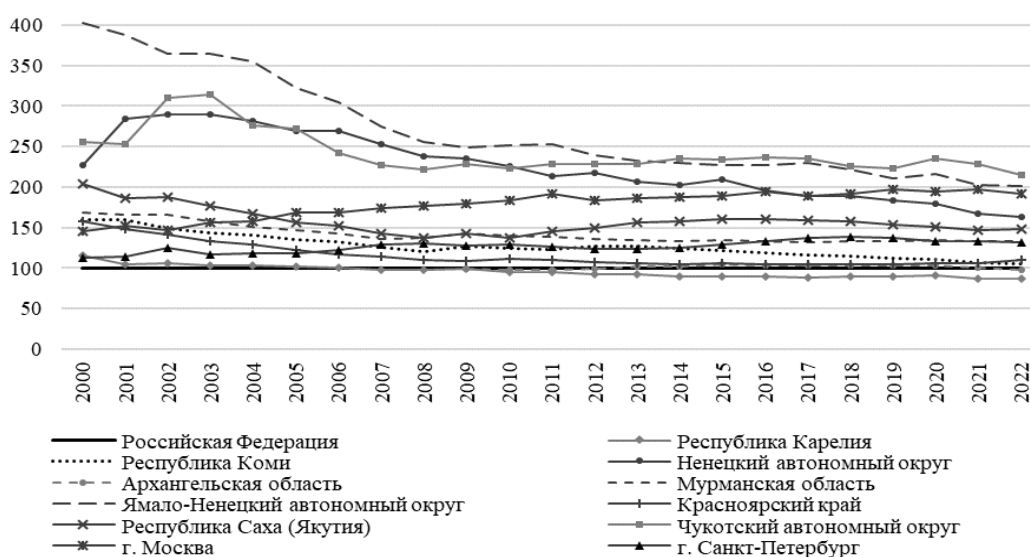

Рис. 2. Сопоставление уровня среднемесячной номинальной заработной платы работников в организациях Арктической зоны РФ со среднероссийским, %. Составлено авторами

Северные зарплаты становятся всё менее привлекательными, поэтому население, проживающее в иных регионах России, теряет мотивацию переезжать в регионы с суровыми климатическими условиями в целях увеличения заработка и возможности накопить «на старость». Одновременно с этим в столичных регионах происходит постоянный рост средней заработной платы, при этом разрыв по показателю размера средней зарплаты, если сравнивать со среднероссийским уровнем, увеличивается, что стимулирует отток рабочей силы с периферии.

Аналогичная тенденция наблюдалась и с другими показателями доходов населения. Темпы роста среднедушевых доходов в Арктике были ниже среднероссийских (рис. 3), и лишь в последние несколько лет ситуация стала несколько меняться. Наблюдается если не снижение, то стабилизация разрыва со среднероссийскими показателями, а в Якутии, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных

округах наметился опережающий рост среднедушевых доходов.

Отличительной особенностью большинства тенденций, которые сегодня наблюдаются во всех сферах на арктических территориях, как уже не раз отмечалось в нашем исследовании, является их ярко выраженная дифференциация внутри Арктики. Это характерно и для показателей доходов населения (табл. 8). Так, например, в 2022 г. среднедушевые доходы в Красноярском крае составили 41,8 тыс. руб., в Карелии — 44,9 тыс. руб., в Архангельской области — 45,9 тыс. руб., в Коми — 46,6 тыс. руб., то есть находились примерно на уровне среднероссийских. В то же время в трёх субъектах АЗРФ они были выше 100 тыс. руб. на душу населения, что существенно превышает и среднероссийский уровень, и уровень столичных регионов: 104,1 тыс. руб. — в Ненецком, 114,5 тыс. руб. — в Чукотском и 116,6 тыс. руб. — в Ямало-Ненецком автономных округах. Последние являются лидерами среди российских регионов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

и по уровню среднемесячной заработной платы. В 2022 г. она составила 106,9 тыс. руб. — в Ненецком, 140,6 тыс. руб. — в Чукотском и 131,5 тыс. руб. — в Ямало-Ненецком автономных округах. Наблюдается чётко выраженная связь показателей доходов населения с отраслевой спецификой экономик регионов. Показатели доходов существенно выше

среднероссийского уровня в регионах, основу экономик которых составляет добыча газа, нефти и других полезных ископаемых. Зависимость социально-экономического развития арктических территорий от добывающих отраслей промышленности отмечена в работах Е. В. Строкан [3], Т. П. Скуфьиной [44] и других авторов.

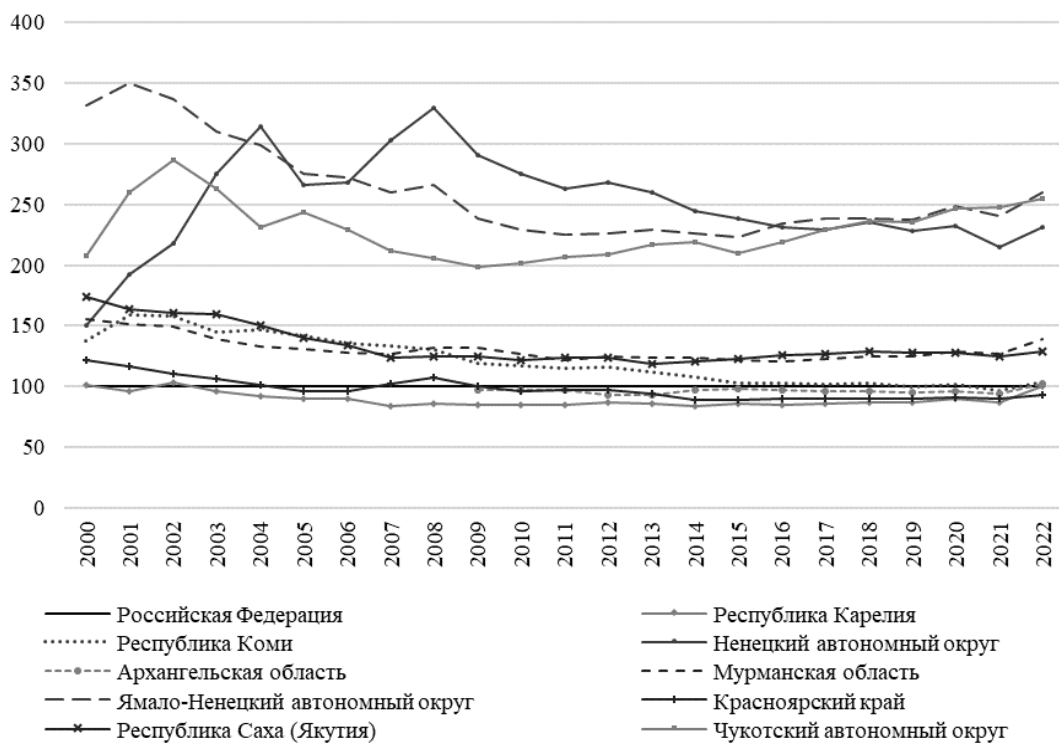

Рис. 3. Сопоставление уровня среднедушевых денежных доходов населения в Арктической зоне РФ со среднероссийским, %. Составлено авторами

Таблица 8

Среднедушевые денежные доходы населения в Арктической зоне РФ в 2022 г.

Субъект РФ	Среднедушевой денежный доход		Доля заработной платы в структуре доходов, %	Доля социальных выплат в структуре доходов, %
	руб.	к среднероссийскому уровню, %		
Республика Карелия	44 880	99,9	57,5	32,6
Республика Коми	46 638	103,8	62,8	29,6
Ненецкий авт. округ	104 109	231,7	78,7	18,0
Архангельская обл.	45 975	102,3	61,3	29,6
Мурманская обл.	62 601	139,3	70,5	22,8
Ямало-Ненецкий авт. округ	116 639	259,6	83,1	12,4
Красноярский край	41 782	93,0	67,8	24,0
Республика Саха (Якутия)	57 715	128,4	69,4	22,0
Чукотский авт. округ	114 456	254,7	81,8	15,7
Российская Федерация	44 937	100,0	57,5	20,2

Примечание. Составлено авторами по данным: [Регионы России. Социально-экономические показатели: приложение к сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 13.08.2024)].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Данные табл. 8 демонстрируют дифференциацию арктических регионов по структуре денежных доходов населения. Заработная плата — основной источник доходов во всех регионах, однако её доля различается и тесно коррелирует с отраслевой спецификой региона, показателями занятости и с уровнем среднедушевых доходов. В ресурсодобывающих регионах, характеризующихся высокими доходами и более высоким уровнем занятости населения, доля заработной платы ожидаемо выше, чем в других регионах. Отмечается обратная корреляция между уровнем среднедушевых доходов и долей социальных выплат в доходах. В регионах с низким уровнем доходов доля социальных выплат очень высока и достигает в Коми и Архангельской области — 29,6 %, в Карелии — 32,6 %, что существенно превышает среднероссийский уровень.

Связь показателей уровня жизни населения с экономической составляющей развития региона, в частности с отраслевой спецификой, показывает рис. 4, на котором приведены данные о доле населения с доходами ниже границы бедности в арктических субъектах на фоне аналогичного показателя по России. Видно чёткое разделение девяти арктических регионов на две группы — выше и ниже среднероссийского уровня. В 2023 г. доля населения с доходами ниже границы бедности

в среднем по России составляла 8,5 %, в Якутии — 14,0 %, Красноярском крае — 12,7 %, Коми — 11,5 %, Карелии — 10,2 %, Архангельской области — 9,0 %. Территории названных субъектов исторически были ранее освоены, и их активное развитие пришлось на советский период, сегодня они отстают по многим социально-демографическим показателям. Как видно из рис. 4, позитивная тенденция более быстрого снижения доли бедного населения по сравнению со среднероссийскими темпами наблюдается в Мурманской области и на Чукотке (в 2023 г. сокращение доли бедных составило 6,7 и 5,2 %, соответственно). Самая низкая доля бедного населения в Арктике сохраняется в Ямало-Ненецком АО (3,6 % — 2023 г.), что является минимальным показателем бедности среди всех субъектов РФ. Отметим, что в настоящее время в указанных регионах реализуются крупные инновационные проекты по разработке новых месторождений, строительству промышленной и транспортной инфраструктуры. Высокий уровень заработной платы способствует снижению уровня бедности и росту занятости. Однако большая часть населения Арктики, постоянно проживающего в экстремальных климатических условиях, имеет худшее материальное обеспечение, чем средний россиянин. Бедных в составе населения Арктики больше, чем в среднем в стране.

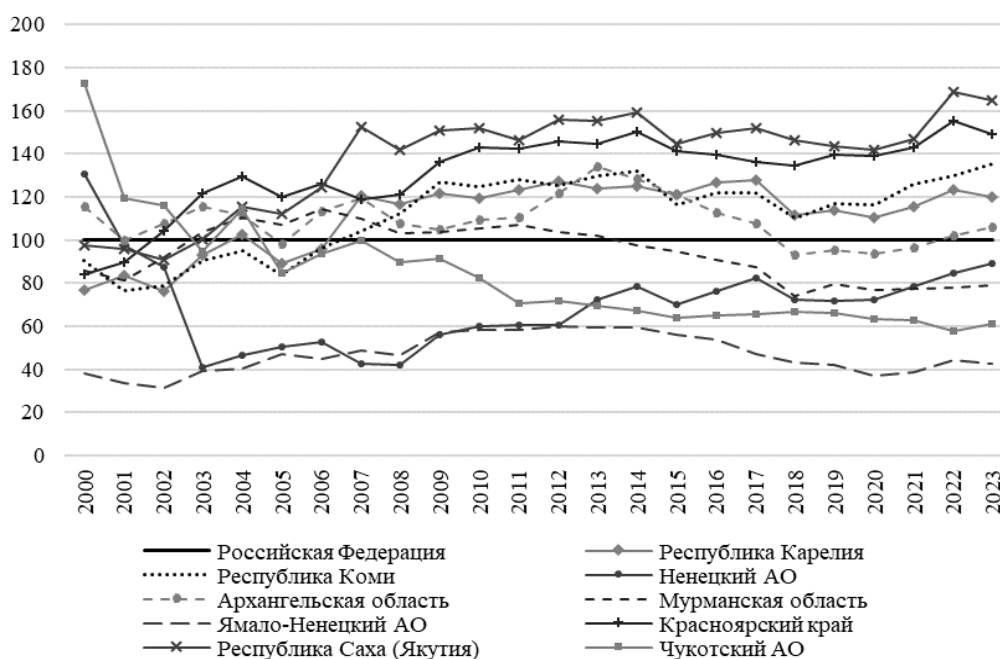

Рис. 4. Динамика численности населения с доходами ниже границы бедности / прожиточного минимума в Арктической зоне РФ и в среднем по России, %. Составлено авторами

Обесценивание северных заработных плат и доходов населения в целом происходило не только по причине более низких темпов их роста на фоне

среднероссийских показателей, но и из-за более высокого уровня инфляции на потребительские товары и услуги в Арктике по сравнению с другими

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

регионами страны. В табл. 9 приведены данные о реальных темпах роста доходов населения.

В большинстве регионов Арктики реальные темпы роста среднедушевых доходов за период 2000–2022 гг. были ниже, чем в России. Особенно велик отрыв в регионах, которые ориентированы на обрабатывающие производства, — республики Карелия и Коми, Мурманская область. Темпы роста реальной заработной платы ниже среднероссийских во всей Арктике, кроме Чукотки, где они совпадают со среднероссийскими. Лишь по темпам роста пенсий

арктические регионы близки или превышают среднероссийский показатель, что связано, на наш взгляд, с тем, что выплата северных коэффициентов пенсионерам гарантирована и выполняется государством, а выплата северных надбавок работающим гарантирована только работникам государственных предприятий. В частном бизнесе, который сейчас преобладает на Севере, выплата северных надбавок к заработной плате ложится бременем на плечи работодателей и определяется условиями трудовых договоров.

Таблица 9

Показатели роста реальных доходов населения в Арктической зоне РФ в 2022 г. (к 2000 г.), разы

Субъект РФ	Среднедушевые доходы	Начисленная заработная плата	Размер назначенных пенсий
Республика Карелия	1,85	2,99	3,72
Республика Коми	1,34	2,46	3,59
Ненецкий авт. округ	3,78	2,64	4,17
Мурманская область	1,51	2,77	3,39
Ямало-Ненецкий авт. округ	2,60	2,44	5,01
Красноярский край	1,98	2,81	3,67
Республика Саха (Якутия)	2,50	3,47	3,49
Чукотский авт. округ	2,94	4,01	3,95
Российская Федерация	2,67	4,00	3,52

Примечание. Составлено авторами по данным: [Регионы России. Социально-экономические показатели: приложение к сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 13.08.2024)].

Особого внимания требуют и другие социальные проблемы Арктики, которые остались за рамками этой статьи, — это низкие темпы строительства жилья, высокая степень износа и аварийности; отставание показателей благоустройства жилья от среднероссийского уровня; низкий уровень развития инфраструктуры в системе здравоохранения, недоступность и низкое качество услуг здравоохранения, особенно в отдалённых местах и местах проживания КМНС, нехватка квалифицированных медицинских кадров, узких специалистов; отсутствие системы экстренной эвакуации и оказания медицинской помощи на отдалённых территориях и в акватории СМП. Спецификой Арктики остается малокомплектность школ, нехватка педагогических кадров, барьеры в образовании КМНС, несоответствие системы профессионального образования потребностям в квалифицированных кадрах и др.

Стратегия развития Арктики предусматривает конкретные меры по решению вышеперечисленных проблем:

– модернизация материально-технической базы медицинских организаций, обеспечение авто- и авиационным транспортом, формирование системы

транспортировки медицинских работников, пациентов и лекарственных препаратов;

– развитие технологий телемедицины и выездных форм оказания медицинской помощи;

– организация медицинского обеспечения кочевых малочисленных народов, работников стационарных и плавучих морских платформ, судов;

– профилактика заболеваемости;

– обеспечение доступности социальных услуг для населения путём оптимального размещения объектов социальной инфраструктуры;

– совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере образования, повышение доступности общего и дополнительного образования, в том числе в удалённых местностях и для КМНС, развитие дистанционных образовательных технологий;

– выстраивание диалога между профессиональными образовательными организациями и бизнесом, развитие высшего образования и науки;

– поддержка авиасообщения и авиаперевозок;

– формирование современной городской среды, строительство объектов инженерной и социальной инфраструктуры в местах традиционного проживания малочисленных народов;

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

– определение системы социальных гарантий, предоставляемых гражданам Российской Федерации, которые работают и проживают в Арктической зоне.

Обозначенные меры требуют существенных усилий и будут способствовать сохранению и наращиванию человеческого капитала в Арктике.

Заключение

Подводя итоги, сделаем вывод о необходимости преодоления негативных тенденций, которые сегодня продолжают существовать в Арктической зоне РФ, и поддержания тех немногих положительных изменений, которые удалось достичь в последние годы, благодаря изменению вектора государственной политики в этом регионе. Развитие человеческого капитала в суровых климатических и экономических реалиях Севера возможно лишь при условии комплексного решения экономических, социальных, экологических проблем. Масштабы запланированных Стратегией 2035 мероприятий потребуют существенных финансовых и трудовых ресурсов. Чтобы планы остались не только на бумаге, необходимо найти механизмы и пути их реализации. Существенная дифференциация социальных процессов в арктических регионах требует конкретизации и поиска подходов к их решению.

Особая роль в преобразовании Арктики отводится информационной составляющей и системе мониторинга социального развития АЗРФ, которой в настоящее время нет. Проблема формирования качественной базы данных для анализа развития арктических территорий на основе официальной статической информации пока что не решена. Исследователям приходится прибегать к различным пересчётам, взвешиванию и перевзвешиванию, использовать косвенные и экспертные оценки, что, безусловно, сказывается на объективности получаемых результатов. Развитие государственной статистики на всех уровнях, обеспечение сопоставимости данных, актуализация системы показателей, необходимых для анализа социально-экономического развития Арктики, откроет новые возможности для исследователей и управленцев в этом важнейшем стратегическом регионе России.

Сравнительный анализ демографических показателей, рассчитанных для разных групп северных субъектов (с учётом и без учёта частичного вхождения в состав АЗРФ), показал их принципиальное различие, а следовательно, и невозможность объективного анализа демографического потенциала на основе существующих данных арктической статистики без привлечения муниципальной статистики, которая на сегодняшний день не содержит необходимых показателей. С аналогичными проблемами

исследователи сталкиваются и при анализе социально-экономических процессов в Арктической зоне. Подчёркнём ограниченность оценки и корректного анализа демографического и трудового потенциала на основе данных арктической статистики, большинство показателей которой разрабатывается и публикуется лишь для Арктики в целом и не позволяет исследовать внутрорегиональные различия, которые достаточно ощутимы. Все это предъявляет новые требования к развитию и совершенствованию муниципальной статистики.

Уровень и масштабы депопуляции в российских регионах, полностью или частично входящим в состав АЗРФ, сегодня по-прежнему высоки. В рамках границ 2014 г., когда Арктика была выделена в самостоятельный объект статистического наблюдения, численность населения сократилась на 11,4 %. В границах 2021 г. только за последние три года убыль населения составила 9,4 %. Темпы депопуляции в Арктике существенно превосходят среднероссийские. Наиболее сильно сократилась численность населения республик Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областей. Превышение смертности над рождаемостью и высокие показатели миграции способствуют ускоренному обезлюдению арктических территорий, что ставит под угрозу безопасность российской Арктики и страны. Сложившиеся тенденции последних лет в комплексе с отсутствием существенных сдвигов в улучшении уровня и качества жизни ставят под сомнение возможность достижения целевых показателей Стратегии 2035 по миграции и ожидаемой продолжительности жизни при рождении в российской Арктике.

Неблагоприятная ситуация по соотношению браков и разводов вместе с высоким уровнем прерывания беременности в АЗРФ обостряет возможности воспроизводства населения. Анализ динамики младенческой смертности в Арктике выявил позитивные тенденции её снижения во всех регионах, за исключением Чукотки, где фиксируются самые высокие показатели младенческой смертности среди российских регионов.

Низкая ожидаемая продолжительность жизни при рождении, отставание от среднероссийского уровня по ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет и ожидаемой продолжительности здоровой жизни обостряют вопросы человекосбережения и продления трудовой активности в Арктике. Позитивная динамика по сокращению численности умерших в трудоспособном возрасте, наблюдаемая во всех арктических регионах, формирует предпосылки для роста трудового потенциала. Однако показатели снижения смертности в трудоспособном возрасте сегодня отстают

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

от среднероссийских, а уровень смертности трудоспособного населения в ряде регионов превышает средний уровень по стране, особенно в европейской части АЗРФ.

Изменение возрастной структуры населения Арктики в сторону увеличения доли лиц старших возрастов более высокими темпами, чем в России, формирует новые вызовы, связанные с обеспечением достойного уровня жизни населения после выхода на пенсию. Во всех арктических регионах наблюдается резкое увеличение численности пенсионеров в расчёте на 1000 чел. населения. С 2000 г. этот показатель вырос в 2 раза в Ямало-Ненецком автономном округе, на треть — в Коми и Якутии, при этом коэффициент демографической нагрузки старшим поколением на население в трудоспособном возрасте в этих регионах вырос в 3, 2 и 1,7 раза

соответственно. Демографическое старение населения влечёт серьёзные изменения на рынке труда и усугубляет проблему кадрового голода, которая обозначилась во многих регионах АЗРФ.

Следует признать, что без повышения качества жизни невозможно достичь позитивных изменений в демографических процессах. Первоочередного внимания требуют вопросы сохранения здоровья населения, снижения бедности, развития социальной инфраструктуры.

Результаты проведённого исследования могут стать основанием для дальнейшего теоретического изучения демографического и трудового потенциала российской Арктики, а также могут быть использованы для разработки стратегий развития отдельных арктических территорий.

Список источников

1. Корчак Е. А. Бедность населения как угроза устойчивому развитию Арктики // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 47–65.
2. Смиреникова Е. В., Воронина Л. В., Уханова А. В. Оценка демографического потенциала арктических регионов Российской Федерации в контексте инновационного развития // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 1. С. 19–29. DOI:10.25283/2223-4594-2021-1-19-29.
3. Строкан Е. В., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Существенное повышение уровня жизни населения арктических регионов — необходимое условие обеспечения национальной безопасности России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 1. С. 152–169. DOI:10.37614/2220-802X.1.2024.83.011.
4. В. В. Фаузер [и др.] Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 1. С. 111–122. DOI:10.25283/2223-4594-2022-1-111-122
5. Дашкевич П. М., Флуд Н. А. Роль государства и бизнеса в решении экономических и социальных проблем развития коренных малочисленных народов // Измерение и анализ благосостояния: тез. докл. Всероссийской (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25–27 января 2024 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 126–130.
6. Федотов А. А. Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 7 (77). С. 148–155. DOI:10.24412/2411-0450-2021-7-148-155.
7. Пришляк Е. А., Радько С. Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. 2018. Т. 8, № 2. С. 94–105. DOI:10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105.
8. Говорова Н. В. Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 52–61. DOI:10.17238/issn2221-2698.2018.31.52.
9. Меньших Н. Г., Цукерман В. А. Человеческий капитал как фактор устойчивого инновационного развития экономики Севера и Арктики // Вестник КГУ. 2013. № 4. С. 74–80.
10. Mason A. Demographic dividends: the past, the present, and the future. NA, 2007.
11. Demographic potential as the basis for spatial differentiation of the financial situation communes of eastern Poland in 2009–2018 / P. Dziekanski [et al.] // European Res. Studies J. 2020. Vol. 23, Iss. 2. P. 872–892.
12. Андреев Е., Пирожков С. О потенциале демографического роста // Население и окружающая среда. М.: Статистика, 1975. 66 с.
13. Эдиев Д. М. Теория и приложения демографических потенциалов: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. М.: Вычисл. центр РАН, 2008. 36 с.
14. Полкова Т. В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118–130.
15. Рыбаковский О. Л. Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 319–326. DOI:10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326.

16. Harutyunyan N. A. Assessment of demographic capacity in the context of spatial planning // Proceedings of the YSU C: Geological and Geographical Sciences. 2024. Vol. 58, Iss. 2 (263). P. 114–124. DOI:10.46991/PYSU:C.2024.58.2.114.
17. Фаузер В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 1. С. 105–111.
18. Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Человеческий потенциал населения российских регионов: уровень и динамика развития (часть первая) // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). С. 47–59. DOI:10.24411/1999-9836-2018-10014.
19. Шубат О. М., Багирова А. П., Акишев А. А. Методика анализа демографического потенциала российских регионов на основе нечеткой кластеризации данных // Экономика региона. Вып. 1. 2019. Т. 15. С. 178–190. DOI:10.17059/2019-1-14.
20. Fisher R. A. The genetical theory of natural selection // Dover Publications. New-York, 1930.
21. Keyfitz N. On the momentum of Population Growth // Demography. 1971. Vol. 8, no. 1. P. 71–80.
22. Isard W. Methods of regional analysis: an introduction to regional science. New York, 1960. 784 p.
23. Hersch L. De la demographic actuelle a la demographic potentielle. Gen., 1944.
24. Bourgeois-Pichat J. The concept of a stable population. Application to the Study of Populations with Incomplete Demographic Statistics / United Nations. New York, 1968.
25. Vielrose E. Zarys demografii potencjalnej. Warszawa, 1958.
26. Рыбаковский О. Л., Тяюнова О. А. Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 17–25. DOI:10.19181/1561-7785-2019-00012.
27. Reponen J. Integrating Immigration: Addressing Demographic Decline and Economic Challenges in Finland Through the Perspective of South Karelia. 2024. 40 p. URL: <https://urn.fi/URN:NBN:fi:amk-2024051512356> (accessed 20.07.2024).
28. Demographic and economic disparities among Arctic regions / J. I. Schmidt [et al.] // Polar Geography. 2015. Vol. 38, Iss. 4. P. 251–270. DOI:10.1080/1088937X.2015.1065926.
29. Федотовская Т. А. Демографический потенциал России // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации / Инф.-аналит. управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. М., 2001.
30. Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102. DOI:10.17059/2015-3-8.
31. Луценко Е. Л., Говако А. В., Голик А. С. Демографический потенциал территории как фактор сдерживания экономического развития // Наука Красноярья. 2017. № 3. С. 68–82. DOI:10.12731/2070-7568-2017-3-68-82.
32. Чистякова Н. Е. Демографическая компонента формирования человеческого капитала для устойчивого развития регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 4 (67). С. 103–111.
33. Larsen J., Fondahl G. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages. Nordic Council of Ministers, 2014.
34. Hamilton L. C., Wirsing J., Saito K. Demographic Variation and Change in the Inuit Arctic // Environmental Research Letters. 2018. Vol. 13, Iss. 11. P. 115007.
35. Population living on permafrost in the Arctic / J. Ramage [et al.] // Popul Environ. 2021. No. 43. P. 22–38. DOI:10.1007/s11111-020-00370-6.
36. Сукнева С. А. Демографический потенциал воспроизводства населения Северного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15 (198). С. 9–13.
37. Реализация демографического потенциала территорий Российской Арктики в контексте инновационного развития: механизм, факторы, инструменты регулирования / Е. В. Смиреникова [и др.]; отв. ред. А. Г. Шеломенцев. Архангельск, 2022. 294 с.
38. Никулкина И. В., Романова Е. В. Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135.
39. Heleniak T. The future of the Arctic populations // Polar Geography. 2020. Vol. 44, Iss. 2. P. 136–152. DOI:10.1080/1088937X.2019.1707316.
40. Middleton A. Norwegian and Russian settlements on Svalbard: An analysis of demographic and socio-economic trends // Polar Record. 2023. Vol. 59. P. 4. DOI:10.1017/S0032247423000050.
41. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера // Экономика региона. Вып. 2. 2021. Т. 17. С. 552–569. DOI:10.17059/ekon.reg.2021-2-14.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

42. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004.
43. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 158–174. DOI:10.15838/esc.2020.3.69.11.
44. Влияние национальной арктической политики на социально-экономические преобразования в арктических регионах России / Т. П. Скуфына [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 2. С. 69–81. DOI:10.37614/2220-802X.2.2022.76.006.

References

1. Korchak E. A. Bednost' naseleniya kak ugroza ustoichivomu razvitiyu Arktiki [Threats to the sustainable development of the Russian Arctic: Poverty]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 47–65. (In Russ.).
2. Smirennikova E. V., Voronina L. V., Ukhanova A. V. Otsenka demograficheskogo potentsiala arkticheskikh regionov Rossiiskoi Federatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya [Assessment of the demographic potential of the Arctic regions of the Russian Federation in the context of innovative development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, Vol. 11, no. 1, pp. 19–29. (In Russ.). DOI:10.25283/2223-4594-2021-1-19-29.
3. Stokan E. V., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Sushchestvennoe povyshenie urovnya zhizni naseleniya arkticheskikh regionov — neobkhodimoe uslovie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Improving the standard of living in Arctic regions as a fundamental requirement for Russia's national security]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [North and Market: the formation of economic order], 2024, no. 1, pp. 152–169. (In Russ.). DOI:10.37614/2220-802X.1.2024.83.011.
4. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Vyzovy i protivorechiya v razvitii Severa i Arktiki: demograficheskoe izmerenie [Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: Demographic dimension]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2022, Vol. 12, no. 1, pp. 111–122. (In Russ.). DOI:10.25283/2223-4594-2022-1-111-122.
5. Dashkevich P. M., Flud N. A. Rol' gosudarstva i biznesa v reshenii ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem razvitiya korennykh malochislennykh narodov [The role of the state and business in solving economic and social problems of the development of indigenous minorities]. *Izmerenie i analiz blagosostoyaniya: tezisy dokladov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 25–27 yanvarya 2024 g.* [Measurement and analysis of welfare: Abstracts of reports of the All-Russian (with international participation) research-to-practice conference. St. Petersburg, January 25-27, 2024, St. Petersburg]. Saint Petersburg, 2024, pp. 126–130. (In Russ.).
6. Fedotov A. A. Chelovecheskii potentsial i chelovecheskii kapital: sushchnost' i otlichie ponyatii [Human potential and human capital: The essence and difference of concepts]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2021, no. 7(77), pp. 148–155. (In Russ.). DOI:10.24412/2411-0450-2021-7-148-155.
7. Prishlyak E. A., Rad'ko S. G. Issledovanie faktorov, vliyayushchikh na formirovanie chelovecheskogo kapitala v Rossiiskoi Federatsii [Studying the factors affecting the generation of human capital in the Russian Federation]. *Upravlencheskie nauki* [Management Sciences], 2018, Vol. 8, no. 2, pp. 94–105. (In Russ.). DOI:10.26794/2404-022X-2018-8-2-94-105.
8. Govorova N. V. Chelovecheskii kapital — klyuchevoi aktiv khozyaistvennogo osvoeniya arkticheskikh territorii [Human capital — a key factor of the Arctic economic development]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 52–61. (In Russ.). DOI:10.17238/issn2221-2698.2018.31.52.
9. Men'shikh N. G., Tsukerman V. A. Chelovecheskii kapital kak faktor ustoichivogo innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Severa i Arktiki [Human capital as a factor of sustainable innovation development of economy in the Arctic and in the North]. *Vestnik KGU* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, no. 4, pp. 74–80. (In Russ.).
10. Mason A. Demographic dividends: the past, the present, and the future. NA, 2007.
11. Dziekanski P., Pawlik A., Wronska M., Karpinska U. Demographic potential as the basis for spatial differentiation of the financial situation communes of eastern Poland in 2009-2018. *European Research Studies Journal*, 2020, Vol. 23, iss. 2, pp. 872–892.
12. Andreev E., Pirozhkov S. O potentsiale demograficheskogo rosta [On the potential of demographic growth]. *Naselenie i okruzhayushchaya sreda* [Population and Environment]. Moscow, 1975. 66 p.

13. Ediev D. M. *Teoriya i prilozheniya demograficheskikh potentsialov. Avtoref. diss. dokt. fiz.-mat. nauk.* [A theory and applications of demographic potentials. DSc thesis abstract (Physical and Mathematical Sciences)]. Moscow, Computational Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. 36 pp.
14. Polkova T. V. Demograficheskii potentsial kak sostavlyayushchaya kachestva zhizni [Demographic potential as a component of life quality]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2014, no. 3, pp. 118–130. (In Russ.).
15. Rybakovskii O. L. Demograficheskii potentsial: sushchnost', struktura i osnovnye faktory [Demographic potential: essence, structure and main factors]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population in the regions of Russia], 2023, Vol. 19, no. 3, pp. 319–326. (In Russ.). DOI:10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326.
16. Harutyunyan N. A. Assessment of demographic capacity in the context of spatial planning. *Proceedings of the YSU C: Geological and Geographical Sciences*, 2024, Vol. 58, Iss. 2 (263). pp. 114–124. DOI:10.46991/PYSU:C.2024.58.2.114.
17. Fauzer V. V. Otsenka demograficheskogo i trudovogo potentsialov Respubliki Komi [Assessment of demographic and labor potential of the Komi Republic]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 1, pp. 105–111. (In Russ.).
18. Migranova L. A., Toksanbaeva M. P. Chelovecheskii potentsial naseleniya rossiiskikh regionov: uroven' i dinamika razvitiya (chast' pervaya) [Human potential of the population of Russian regions: The level and dynamics of development (part one)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population in the regions of Russia], 2018, no. 2 (208), pp. 47–59. (In Russ.). DOI:10.24411/1999-9836-2018-10014.
19. Shubat O. M., Bagirova A. P., Akishev A. A. Metodika analiza demograficheskogo potentsiala rossiiskikh regionov na osnove nechetkoi klasterizatsii dannykh [Methodology for analyzing the demographic potential of Russian regions using fuzzy clustering]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, Vol. 15, Iss. 1, pp. 178–190. (In Russ.). DOI:10.17059/2019-1-14.
20. Fisher R. A. *The genetical theory of natural selection.* Dover Publications. New-York, 1930.
21. Keyfitz N. On the momentum of Population Growth. *Demography*, 1971, Vol. 8, no. 1, pp. 71–80.
22. Isard W. *Methods of regional analysis: an introduction to regional science.* New York, 1960.
23. Herssh L. De la demographique actuelle a la demographique potentielle [From current demographic to potential demographic]. *Gen.*, 1944. (In French).
24. Bourgeois-Pichat J. *The concept of a stable population. Application to the Study of Populations with Incomplete Demographic Statistics.* New York, United Nations, 1968.
25. Vielrose E. Zarys demografii potencjalnej [Outline of potential demography]. Warszawa, 1958. (In Polish).
26. Rybakovskii O. L., Tayunova O. A. Demograficheskii potentsial: iz istorii ponyatiya [Demographic potential: from the history of the concept]. *Narodonaselenie* [Population], 2019, Vol. 22, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.). DOI:10.19181/1561-7785-2019-00012.
27. Reponen J. Integrating Immigration: Addressing Demographic Decline and Economic Challenges in Finland Through the Perspective of South Karelia. 2024. Available at: <https://urn.fi/URN:NBN:fi:amk-2024051512356> (accessed 20.07.2024).
28. Schmidt J. I., Aanesen M., Klovov K. B., Khrutshev S., Hausner V. H. Demographic and economic disparities among Arctic regions [Demographic and economic disparities among Arctic regions]. *Polar Geography* [Polar Geography], 2015, Vol. 38, Iss. 4, pp. 251–270. (In Russ.). DOI:10.1080/1088937X.2015.1065926.
29. Fedotovskaya T. A. *Demograficheskii potentsial Rossii. Problemy razvitiya chelovecheskogo potentsiala v deyatel'nosti Soveta Federatsii* [The demographic potential of Russia. issues of human potential development addressed by the Federation Council]. Moscow, 2001. (In Russ.).
30. Iontsev V. A., Magomedova A. G. Demograficheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo kapitala v Rossii i ee regionakh [Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no. 3, pp. 89–102. (In Russ.). DOI:10.17059/2015-3-8.
31. Lutsenko E. L., Govako A. V., Golik A. P. Demograficheskii potentsial territorii kak faktor sderzhivaniya ekonomicheskogo razvitiya [Demographic potential of the territory as a deterrent to economic development]. *Nauka Krasnoyars'ya* [Krasnoyarsk Science], 2017, no. 3, pp. 68–82. (In Russ.). DOI:10.12731/2070-7568-2017-3-68-82.
32. Chistyakova N. E. Demograficheskaya komponenta formirovaniya chelovecheskogo kapitala dlya ustoichivogo razvitiya regionov [Demographic component of human capital formation for sustainable development of regions]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and prospects of development], 2021, no. 4 (67), pp. 103–111. (In Russ.).
33. Larsen J., Fondahl G. *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages.* Publisher Nordic Council of Ministers, 2014.

34. Hamilton L. C., Wirsing J., Saito K. Demographic Variation and Change in the Inuit Arctic. *Environmental Research Letter*, 2018, Vol. 13, Iss. 11, pp. 115007.
35. Ramage J., Jungsberg L., Wang S., Westermann S. Population living on permafrost in the Arctic. *Popul Environ*, 2021, no. 43, pp. 22–38. DOI:10.1007/s11111-020-00370-6.
36. Sukneva S. A. Demograficheskii potentsial vosproizvodstva naseleniya Severnogo regiona [Demographic potential of population reproduction in the Northern region]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2011, no. 15 (198), pp. 9–13. (In Russ.).
37. Smirennikova E. V., Gubina O. V., Voronina L. V. *Realizatsiya demograficheskogo potentsiala territorii Rossiiskoi Arktiki v kontekste innovatsionnogo razvitiya: mekhanizm, faktory, instrumenty regulirovaniya* [Demographic potential of the Russian Arctic territories in the context of innovation development: Mechanism, factors, regulation tools]. Arkhangelsk, 2022, 294 p.
38. Nikulkina I. V., Romanova E. V. Demograficheskoe razvitiye arkticheskikh regionov Rossii v kontekste kontseptsii rezil'entnosti [Demographic development of the Arctic Regions in the context of resilience concept]. *Narodonaselenie* [Population], 2024, Vol. 27, no. 1, pp. 123–135. (In Russ.). DOI:10.24412/1561-7785-2024-1-123-135.
39. Heleniak T. The future of the Arctic populations. *Polar Geography*, 2020, Vol. 44, Iss. 2, pp. 136–152. DOI:10.1080/1088937X.2019.1707316.
40. Middleton A. Norwegian and Russian settlements on Svalbard: An analysis of demographic and socio-economic trends. *Polar Record*, 2023, Vol. 59, pp. 4. DOI:10.1017/S0032247423000050.
41. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya otsenka ustoichivogo razvitiya malykh i srednikh gorodov rossiiskogo Severa [Demographic assessment of the sustainability of small and medium-sized cities in the Russian North]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2021, Vol. 17, Iss. 2, pp. 552–569. (In Russ.). DOI:10.17059/ekon.reg.2021-2-14.
42. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya dinamika i transformatsiya sistemy rasseleniya na Severe Rossii v koordinatakh perepisi naseleniya 2021 goda [Demographic trends and transformation of population distribution in the North of Russia: Insights from the 2021 census]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the market: Forming the economic order], 2023, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004.
43. Fauzer V. V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Naselenie Mirovoi Arktiki: rossiiskii i zarubezhnyi podkhody k izucheniyu demograficheskikh problem i zaseleniyu territorii [Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to studying demographic problems and settlement of territories]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: Facts, trends, forecast], 2020, Vol. 13, no. 3, pp. 158–174. (In Russ.). DOI:10.15838/esc.2020.3.69.11.
44. Skufina T. P., Baranov S. V., Samarina V. P., Samarin A. V. Vliyanie natsional'noi arkticheskoi politiki na sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v arkticheskikh regionakh Rossii [The impact of the national Arctic policy on the socio-economic transformations of Russia's polar regions]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the market: Forming the economic order], 2022, no. 2, pp. 69–81. (In Russ.). DOI:10.37614/2220-802X.2.2022.76.006.

Об авторах:

П. М. Дашкевич — аспирант, ассистент кафедры статистики и эконометрики;

Н. А. Флуд — канд. экон. наук, доцент кафедры статистики и эконометрики;

И. И. Елисева — член-корр. РАН, докт. экон. наук, профессор кафедры статистики и эконометрики, главный научный сотрудник.

About the authors:

P. M. Dashkevich — Postgraduate student, Assistant of the Department of Statistics and Econometrics;

N. A. Flud — PhD (Economics), Associate Professor, Department of Statistics and Econometrics;

I. I. Eliseeva — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2024 года.

Статья принята к публикации 10 сентября 2024 года.

The article was submitted on September 09, 2024.

Accepted for publication on September 10, 2024.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Приложение
Ретроспективная оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации на 1 января, чел.

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2014 г., %
Арктическая зона РФ	2 695 201	2 681 792	2 664 293	2 653 925	2 641 340	2 629 273	2 618 714	2 605 769	2 377 271	2 362 591	2 361 226	-12,4
Республика Карелия	123 069	121 453	119 861	118 177	116 061	113 971	112 572	111 254	101 342	99 629	98 467	-20,0
Городской округ г. Костомукша ⁴	29586	29911	30049	30061	29906	29871	30131	30273	26557	26531	26470	-10,5
Беломорский муниципальный округ ²	17650	17261	17034	16663	16303	15929	15433	15151	12963	12546	12305	-30,3
Сегежский муниципальный округ ⁴	38928	38472	37906	37265	36582	35854	35350	34761	32172	31609	31219	-19,8
Калевальский муниципальный район ⁴	7525	7273	7063	6921	6774	6641	6563	6489	6119	5939	5888	-21,8
Кемский муниципальный район ²	16508	16105	15753	15496	15037	14561	14263	13961	13003	12715	12493	-24,3
Лоухский муниципальный район ²	12872	12431	12056	11771	11459	11115	10832	10619	10528	10289	10092	-21,6
Республика Коми	173 927	170 584	167 662	165 115	160 877	157 182	153 738	152 573	137 110	135 297	134 584	-22,6
Городской округ Воркута ¹	84707	82953	81442	80061	77314	74756	73123	72423	68124	67702	67547	-20,3
Городской округ Инта ⁴	31344	30512	29732	28977	28147	27569	26779	26339	21635	21092	20870	-33,4
Муниципальный округ Усинск ⁴	45754	45221	44799	44525	44090	43691	42780	42825	36667	36025	35807	-21,7
Усть-Цилемский муниципальный район ⁴	12122	11898	11689	11552	11326	11166	11056	10986	10684	10478	10360	-14,5
Республика Саха (Якутия)	69 395	68 860	68 557	68 493	68 159	67 674	67 652	67 798	63 998	64 282	64 154	-7,6
Абыйский муниципальный район ³	4196	4125	4095	4058	4018	3979	3949	3916	3797	3786	3737	-10,9
Аллаиховский муниципальный район ¹	2764	2733	2682	2718	2716	2708	2697	2726	2362	2349	2351	-14,9
Анабарский национальный (Долгано-Эвенкийский) муниципальный район ¹	3403	3387	3431	3500	3567	3597	3653	3672	3479	3454	3456	1,6
Булунский муниципальный район ¹	8507	8404	8366	8404	8339	8340	8513	8501	7730	7997	8126	-4,5
Верхнеколымский муниципальный район ³	4317	4287	4288	4220	4123	4049	4003	3984	3764	3748	3687	-14,6
Верхоянский муниципальный район ³	11665	11528	11371	11385	11352	11133	11059	10989	10005	10009	9998	-14,3
Жиганский национальный муниципальный район ³	4245	4246	4258	4238	4222	4178	4112	4179	4156	4086	4023	-5,2
Момский муниципальный район ³	4237	4218	4139	4099	4073	3973	3974	4051	3725	3783	3836	-9,5
Нижнеколымский муниципальный район ¹	4414	4426	4386	4366	4290	4290	4260	4228	4192	4211	4175	-5,4
Оленекский Эвенкийский национальный муниципальный район ³	3963	3967	3983	4009	4072	4148	4247	4326	4335	4361	4364	10,1
Среднеколымский муниципальный район ³	7535	7497	7538	7512	7499	7424	7332	7312	6751	6741	6714	-10,9

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Продолжение приложения

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2014 г., %
Усть-Янский муниципальный район ¹	7359	7244	7242	7202	7075	7028	7008	7035	6786	6809	6725	-8,6
Эвено-Бытантайский национальный муниципальный район ³	2790	2798	2778	2782	2813	2827	2845	2879	2916	2948	2962	6,2
Красноярский край	236 315	234 946	235 270	234 866	235 489	236 506	236 963	237 686	225 230	224 495	226 392	-4,2
Городской округ город Норильск ¹	177326	176971	178106	178654	180 239	181 656	182 496	183 299	175 806	175 466	177 427	0,1
Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район ¹	33861	33381	32871	32290	31 762	31 627	31 415	31 466	30 106	29 889	29 609	-12,6
Туруханский муниципальный район ¹	17306	16853	16569	16276	15 971	15 660	15 500	15 364	12 655	12 491	12 684	-26,7
Эвенкийский муниципальный район ⁴												
Сельское поселение поселок Есей	614	625	630	606	615	621	639	663	728	754	747	21,7
Сельское поселение поселок Кислокан	115	104	114	108	113	113	101	93	125	130	125	8,7
Сельское поселение поселок Нидым	206	192	181	171	173	174	170	147	144	140	137	-33,5
Сельское поселение поселок Суринда	442	435	417	412	412	418	424	421	338	337	325	-26,5
Сельское поселение поселок Тура	5562	5506	5526	5493	5342	5356	5343	5 362	4 428	4 369	4 416	-20,6
Сельское поселение поселок Тутончаны	223	223	216	216	215	216	209	208	204	194	200	-10,3
Сельское поселение поселок Учачи	103	104	105	96	97	96	97	95	76	82	78	-24,3
Сельское поселение поселок Чиринда	194	190	187	191	197	202	197	206	219	226	226	16,5
Сельское поселение поселок Эконда	273	273	264	265	266	275	288	281	315	331	333	22,0
Сельское поселение поселок Юкта	90	89	84	88	87	92	84	81	86	86	85	-5,6
Архангельская обл.												
с Ненецким авт. округом	731 211	729 143	726 509	723 782	719 302	714 742	711 653	707 057	625 201	619 963	617 202	-15,6
без Ненецкого авт. округа	688 186	685 770	682 671	679 845	675 305	670 913	667 542	662 668	583 775	578 580	574 978	-16,5
Городской округ «Архангельск» ¹	357409	358054	358315	358594	356 867	355 476	354 103	352 032	306 230	303 357	301 376	-15,7
Городской округ «Новая Земля» ¹	2530	2841	3024	2934	3 007	3 201	3 367	3 576	2 302	2 360	2 427	-4,1
Городской округ «Новодвинск» ¹	39613	39222	38906	38735	38 434	38 082	37 699	37 256	33 138	32 826	32 639	-17,6
Городской округ «Северодвинск» ¹	188420	187277	186138	185042	184 280	183 284	182 970	181 768	157 600	156 731	156 310	-17,0
Лешуконский муниципальный округ ⁴	7001	6871	6805	6622	6 410	6 227	6 048	5 840	5 429	5 231	5 084	-27,4
Мезенский муниципальный округ ¹	9629	9482	9241	9049	8 809	8 482	8 294	8 127	7 375	7 248	7 098	-26,3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Продолжение приложения

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2014 г., %
Пинежский муниципальный округ ⁴	24561	23799	22999	22468	21996	21471	20937	20496	18345	17966	17680	-28,0
Приморский муниципальный округ ¹	26055	25952	25787	25639	25445	25100	25093	25171	28706	28793	28908	11,0
Онежский муниципальный район ¹	32968	32272	31456	30762	30057	29590	29031	28402	24650	24068	23456	-28,9
Ненецкий авт. округ*	43 025	43 373	43 838	43 937	43 997	43 829	44 111	44 389	41 426	41 383	42 224	-1,9
Городской округ город Нарьян-Мар	23390	23939	24535	24654	24775	24827	25151	25536	25795	23579	24266	3,7
Заполярный муниципальный район	19635	19434	19303	19283	19222	19002	18960	18853	18745	17804	17958	-8,5
Мурманская обл.*	771 058	766 281	762 173	757 621	753 557	748 056	741 404	732 864	724 452	648 892	656 438	-14,9
Городской округ город Мурманск	299148	305236	301572	298096	295374	292465	287847	282851	279064	267422	266681	-10,9
Городской округ г. Апатиты с подведомственной территорией	57907	57400	56732	56358	55716	55204	54670	53850	52764	48763	48277	-16,6
Городской округ г. Кировск с подведомственной территорией	29878	29458	29175	28863	28737	28342	28156	28086	27753	26253	25984	-13,0
Городской округ г. Мончегорск с подведомственной территорией	46628	46426	46205	45955	45561	45050	44978	44412	44104	41729	41427	-11,2
Городской округ г. Оленегорск с подведомственной территорией	29577	29512	29709	29849	29931	29975	29722	29547	29575	27974	27867	-5,8
Городской округ г. Полярные Зори с подведомственной территорией	17312	17236	17162	16956	16695	16611	16383	16396	16377	15726	15634	-9,7
Городской округ Ковдорский район	19791	19506	19162	18912	18609	18366	18156	17717	17332	16762	16803	-15,1
Городской округ Александровск	43098	43687	44175	44827	45099	45488	45442	45340	44944	32232	32695	-24,1
Городской округ п. Видяево	6300	6258	6303	6146	5985	5953	5787	5719	5701	4346	4324	-31,4
Городской округ г. Заозерск	9860	9864	9872	10019	9915	9656	9246	9120	9154	7760	7771	-21,2
Городской округ г. Островной	2086	2109	2008	1924	1890	1842	1731	1702	1652	1432	1331	-36,2
Городской округ г. Североморск	66568	58576	59764	60423	61976	62604	63870	65080	65725	50949	52013	-21,9
Кандалакшский муниципальный район	45860	45115	45216	44722	43917	42771	41917	40722	39624	30129	39330	-14,2
Кольский муниципальный район	42361	41852	41608	41163	40768	40515	40531	40293	39638	33510	33201	-21,6
Ловозерский муниципальный район	11121	11000	10931	10910	11014	10924	10979	10848	10679	8695	8770	-21,1
Печенгский муниципальный район	37903	37480	37159	37204	37146	37129	36909	36090	35344	30591	29632	-21,8
Терский муниципальный район	5660	5566	5420	5294	5224	5161	5080	5091	5022	4619	4698	-17,0
Чукотский авт. округ*	50 555	50 540	50 157	49 822	49 348	49 663	50 288	49 527	47 906	47 840	48 029	-5,0
Городской округ — город Анадырь	14494	14784	15358	15956	16091	16338	16299	15722	15559	13368	13412	-7,5
Городской округ Эвекинот	8835	8788	8571	4692	4734	5038	5049	5056	5113	5033	5197	-41,2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Окончание приложения

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2014 г., %
Городской округ Провидения	7855	7825	7609	3689	3 695	3 678	3 550	3574	3 532	3 694	3 657	-53,4
Городской округ Левек	5197	5122	4814	5551	5 327	5 038	5 480	5503	5 844	4 932	4 779	-8,0
Муниципальный район Анадырский	3771	3737	3714	8288	8 079	8 161	8 389	8381	8 687	8 605	8 790	133,1
Муниципальный район Билибинский	1993	2034	5747	7464	7 369	7 379	7 537	7366	7 476	7 267	7 279	265,2
Муниципальный район Чукотский район	4603	4510	4344	4182	4 053	4 031	3 984	3925	3 829	4 941	4 915	6,8
Ямало-Ненецкий авт. округ*	539 671	539 985	534 104	536 049	538 547	541 479	544 444	547 010	511 244	512 387	515 960	-4,4
Городской округ город Салехард	48227	48607	48756	48794	49 502	50 350	51 263	51480	52 272	48 693	49 236	2,1
Городской округ город Губкинский	26214	27070	27346	27238	27 930	28 564	29 161	28106	38 336	33 869	34 958	33,4
Городской округ город Лабытнанги	26359	26549	26331	26281	26 122	26 211	26 295	26520	32 586	30 962	31 295	18,7
Городской округ город Муравленко	33016	32786	32649	32540	32 427	32 132	31 561	31445	31 332	29 306	29 581	-10,4
Городской округ город Новый Уренгой	115753	115092	111163	113254	114 837	116 938	118 033	118115	118 667	106 764	106 890	-7,7
Городской округ город Ноябрьск	107447	107129	106631	106879	106 930	106 135	106 911	108376	109 488	101 235	102 938	-4,2
Красноселькупский муниципальный район	6036	6021	6020	5931	5 916	5 889	5 752	5682	5 627	5 702	5 640	-6,6
Надымский муниципальный район	65979	66267	64178	64137	64 288	64 543	64 572	65784	67 273	66 233	65 345	-1,0
Приуральский муниципальный район	15128	15248	15431	15438	15 366	15 283	15 236	15260	9 489	10 037	10 095	-33,3
Пуровский муниципальный район	52331	51859	51939	52090	51 792	51 770	51 686	51909	42 693	36 552	36 676	-29,9
Тазовский муниципальный район	17162	17242	17478	17251	17 235	17 405	17 549	17825	17 779	17 774	17 876	4,2
Шурьшкарский муниципальный район	9607	9651	9618	9524	9 423	9 314	9 435	9477	9 436	9 121	9 162	-4,6
Ямальский муниципальный район	16412	16464	16564	16692	16 779	16 945	16 990	17031	17 139	16 139	16 268	-0,9

Примечание. Составлено авторами по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_67_Calendar1_2023.xlsx; <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282> (дата обращения: 13.08.2024).

* Вся территория субъекта Российской Федерации включена в Перечень сухопутных территорий АЗ РФ в 2014 г. (Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 г.).

1 Территории муниципальных образований включены в Перечень сухопутных территорий АЗ РФ в 2014 г. (Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 г.).

2 Территории муниципальных образований включены в Перечень сухопутных территорий АЗ РФ в 2017 г. (Указ Президента Российской Федерации № 287 от 27.06.2017 г.).

3 Территории муниципальных образований включены в Перечень сухопутных территорий АЗ РФ в 2019 г. (Указ Президента Российской Федерации № 220 от 13.05.2019 г.).

4 Территории муниципальных образований включены в Перечень сухопутных территорий АЗ РФ в 2020 г. (ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» № 193 от 13.07.2020 г.).